

СМЕНА

18 1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТЪХЛОШИН СВОЕГО

В. ЖИЛЬЦОВ

Аом № 48 оказался двухэтажным особняком, чистеньким и уютным. Просто не верилось, что человеку, живущему в таком приятном доме, может быть плохо или, тем более, что он из невымирающего племени неудачников.

А письмо было очень тревожным. Такое не часто встречается в редакционной почте. Двадцатипятилетний парень Виктор писал, что он с детства поражен глухотой, живется ему плохо, во всем не берет и вообще он не знает, как жить дальше. Это был самый настоящий «СОС», он требовал немедленной помощи.

— Через минуту я уже сидел в уютной, солнечной комнате — обычной комнате обычной ленинградской коммунальной квартиры.

Виктора дома не было.

— Он пошел по своим комсомольским делам, — объяснила мне его жена Тая. — Виктор — комсорг участка в своем цехе.

Виктор — комсорг! Тут уж я заволновался по-настоящему. Комсорг зря не напишет такое письмо. Значит, надо спешно куда-то бежать, что-то делать, требовать, настаивать. А тут сиди и жди, пока он придет. Не может быть, чтобы Тая ничего не знала! Но Тая никакого интереса ко мне не проявила. Она шила пеленки для своего будущего малыша, и все остальные дела ее как будто не интересовали. На мой вопрос, знает ли она о письме Виктора, она ответила, что знает, и в своем ответе послышалось неодобрение. В подробности Тая вдаваться не захотела, и мы надолго замолчали, думая каждый о своем.

Я еще раз попытался перечитать письмо, так сказать, подготовиться к разговору, но мысли все время возвращались к ребятам с Невского завода, с которыми я расстался полчасом назад. Вернее, к одному из них, и Юре Тарасову, комсоргу сталелитейного цеха. Мы с ним долго ходили от одной печи к другой, а потом расхватали на полу в красном уголке огромные листы стемжест и «молинии». Лишь уходя, я увидел, что у Юры повреждена левая рука, потому-то он и держит ее все время в кармане.

— Тарасов — наш лучший комсорг, парень хоть куда, — сказал мне о нем секретарь заводского комитета комсомола Володя Зубков. — Попал в прошлом году случайно под поезд, но от беды стал еще крепче и работает здорово. Одна история со слитками чего стоит. Это было первое дело только что созданного тогда «проектора», закончилось оно полной победой комсомольцев.

И Зубков рассказал мне историю, которую часто вспоминаю на заводе. Историю о том, как литейщики объявили войну транспортникам и победили.

— Вы, видите, около двадцати второго цеха стояли чушки лежат! В этих штабелях железный порядок: по плану каждая марка стали лежит отдельно. Смешивать их никак нельзя: потом по внешнему виду не различишь. А у нас, понимаешь, с литьем все время творилось что-то неладное: с другими заводскими звонили, жаловались на качество стали — в технических документах одно, а в слитках другое.

Ребята сразу поняли: марки и плавки кто-то путает, и Юра Тарасов с ребятами взялся за проверку. Каждый раз, когда к штабелям подъезжали платформы и начиналась погрузка, кто-нибудь из комсомольцев выходил «подышать свежим воздухом». Покуривали, поглядывали по сторонам, а все больше на платформы.

И все выяснилось. Грузчики затапли чушки как попало, лишь бы поскорее уехать. На сталеваров они только огрызались: дескать, ваше дело — варить, а в остальном не вмешивайтесь.

Тогда Тарасов решил повести «молинию» в административное здание, в аллею у проходной — ее никто из начальства не минует — мы и поставили большой щит: товарищ директор, так мол, и так, наведете порядок. Косачев Тарасова отговаривал: мы свое дело делаем, а это в конце концов нас не касается, все равно не послушают...

— Не слушают... еще раз повторил Виктор. — Меня только из-за того комсоргом и выбрали, что я о среднем образовании. И к тому же я глухой, разве такого будут слушать!

Виктор говорит это уныло, монотонно и все время напоминает о своей глухоте. Ничего нового по сравнению с письмом он мне не рассказал. Все сводится к болезням. И работу потому он долго не мог найти, и на заводе и нему плохо oneself, перебарщивают с одавои неинтересной, грязной операцией на другую.

А потом Виктор достал со шкафа аккуратно упаковку и показал сложенные в ней ответы из московских и ленинградских редакций. Все они на одну тему: о слуховом аппарате, который он желает приобрести то ли со скидкой, то ли вообще бесплатно. Лезало так и письмо комсомольской организации завода, на котором работает Виктор.

— Так ничего и не вышло!

— Да нет, получил.

И Виктор положил на стол очки с вмонтирован-

ными слуховым прибором — новинку, о которой в свое время много писали в газете.

— Только в них почти не пользуются: неудобные, да и испортить их очень легко. — И «новинка» прячется обратно в шкаф.

Тарасовскую «молинию» увидели и услышали. Через два дня в комитет комсомола поступила бумага за подписью коммерческого директора завода. «Дипломатический обмен нотами, — остриня помет ребята, Заводская «проектор» официально уведомляла, что по его сигналу приняты меры: транспортному цеху категорически запрещено путать слитки при погрузке.

В тот день на традиционном «перекресте» было очень оживленно. Сталевары только посмеивались, глядя, как шумные транспортники с подчеркнутой бережливостью грузят чушки на платформы.

— Поможет, что ли, ребята, а то мы с негритями трудно... Тарасов потянул свою сигарету и полез на платформу...

Мир был восстановлен.

— Я хочу работы, на которую я шел бы, как на праздник. — Виктор завязал тесемки на палке и положил ее обратно на шкаф. — То, что делаю сейчас, — это скучно и неинтересно. Я сбежал четвертого разряда, а зарабатываю мало. Только приносившись — опять какое-нибудь новшество введу, и начиная все сначала. Поэтому и неохота самому что-нибудь придумывать.

Эх, Виктор, Виктор! Я ведь знаю завод, на котором ты работаешь. Это же хороший завод, известный всей стране. И там тоже бывают свои праздники, не вошедшие пока ни в какие календари.

Я был на таком празднике у нещев, когда Толя Жигало и его ребята отмечали юбилей — очередную турбину для газопроводов. Все газопроводы страны оборудованы этими машинками. Сейчас их ждет трава Бухара — Урал.

Даже при полностью отработанной технологии такие достижения трудны, если работать по-старому. А как же тогда надо работать!

Вот на этот вопрос и старались ответить комсомольцы завода. Оказывалось, время — чертовски дорогая штука. График выпуска каждой турбины расписаны буквально по всем операциям. Вот

Пробрали...

О каких деталях идет речь?

Ах, об этих!..

О них мы не раз писали...

ПРАЗДНИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

18

СЕНТЯБРЬ
1963

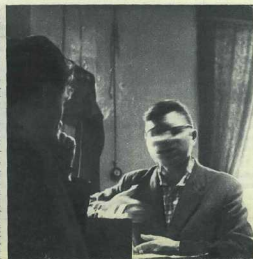
Год издания сокращен

Напоминали...

Я здесь совершенно ни при чем...

Отдел снабжения Невского завода не обеспечил доставку очень важных деталей с завода-поставщика. «Комсомольский прожектор» потребовал объяснений у работника, повинного в этой задержке. При разговоре, проходившем довольно бурно, присутствовал наш фотокорреспондент В. Сакс. Что касается оправданий виновного, то они были примерно следующими — см. подписки к фото.

"ОБРАТКА" РАЗГДА ВСЕХ ЗАГАДОК

Валерия ГОРДЕВА

Фото В. ПЮКЕЛЯ

То, что в нондарионде встречаешься с то многими людьми, ни для кого не секрет. Наше всего они охотно рассказывают о том, что тебе интересно, особенно если речь идет не о них самих. И тут главное — слушать.

Варушится из поэзии, я решила на этот раз просто восстановить рассказы моих новых литовских друзей. Восстановить именно в той последовательности, в которой их пришлось услышать мне.

Чеславас ШЛИЖОС,

заведующий сектором студенческой молодежи ЦК ЛКСМ Литвы.

— Это хорошо, что вы решили написать о наших студенческих лагерях труда и отдыха. Не для рекламы, конечно. Для другого. Может быть, кому-то наша идея придется по сердцу. И не страшно, что уже осень, что уже не сезон говорить об этом. Да, по-настоящему подготовиться и лучше всего лету.

— Это началось двенадцать лет назад. Как раз в те годы, когда у нас в Литве создавались колхозы.

Вот в те времена и влился студент Казанского политехнического института «вплотную колхозному строю», как они там звали. Было принято решение о создании первого в Литве студенческого лагеря труда и отдыха, колхоза «Шешупе» в Мглисской районской расклинку свои плативы студенты на реке гидроэлектростанции.

Работа обвизалась, выстроили на реке гидроэлектростанцию. Побробридо, «аполитачно» соревте. Каждому хотелось быть первым. Доходя до курортов. Та смена, что оказалась, посылала своих «азучунок» и тех, кто был на объекте: выстроить и подсмотреть строительство производственных успехов.

Наша задача? Понимаете, они ведь изменились. В первые годы самым главным было обучение и словом и делом. Но колхозам. Со временем цели стали несколько иными. Да, как и раньше, помощь селу. Но не это теперь основное. Главное, что в таком бита получал за свою работу очень высокую плату; моральные удовлетворение — человек чувствует, достоин и признат, имеет возможность пролить свои самые лучшие качества, о которых он подчас и не подозревает. Труд ведь не только создал человека. Труд его и воспитывает.

И с удовольствием рассказал бы вам о нынешних лагерях. Но лучше меня это сделает Антанас Шульцас. Он ведь член Республиканского штаба лагерей труда и отдыха. Есть в нашей литовской молодежи гавес раздзел «Летний семестр труда» — о студенческих лагерях. Так вот, без Антанаса ни было бы очень трудно. Он для них и пишет, и фотографирует. Истату, Шульцас вас и проведит в «Григитас»...

Антанас ШУЛЬЦАС:

— Кто работает в студенческих лагерях? Добровольцы. Но не просто так. А самым лучшим. Сколько не бывает споров, когда комплектуются команды. Все ведь удовлетворения невозможно. Порой «обивонные» добираются до «штотопом». Но разве их после этого отправимы назад?

Самое интересное отношение к колхозам? Еще зимой институтские комсомольцы составляют проект трудового договора, где говорится, что студенты берутся продавать технику, создать необходимые условия. Потом приезжает сельское руководство, часто в сопровождении своей самодельной комиссии и договор подписывается в торжественной обстановке. Вобщем, все работ этот день — всегда большой праздник.

Работа у нас ведется в трех направлениях: практическая помощь колхозам на строительстве, в поле;

культурно-массовая и просветительская деятельность; укрепление интернациональных связей.

Сейчас у нас около шестидесяти лагерей. Только у Казанского политехнического института их восемь. В прошлом году силами студентов одного Вильнюсского университета было построено шесть общественных зданий, процентно молхозникам оноло тем, что у них нет и свободной минуты. Мыны у молодежи интересная и разнообразная. В прошлом году (21-е) вступили в комсомол. Там же была создана народная дружина, которая помогала сельским комсомольцам и активистам из районного центра.

Не все у нас было гладко и просто. Подчас возникали споры. Иные руководители молхозов считали, например, что главное в лагере — труд, а все остальное излишество.

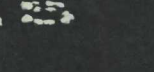
Мы с ними не согласились. Труд — великое дело. Но нельзя забывать об активном, целенаправленном отдыхе, о ленинских, диспулах, совместных и личной исполненной вечерях.

Сельскому лету, ну там не хватает, вливаясь мы в дружную природу, ведь и нам приходится работать студентам из Риги, Минска, Куйбышева, Донецка, Львова.

Что у нас нового? Да, покажу, что, что сейчас в литве трудовое воспитание вовлекаются и средние специальные учебные заведения. «Григитас», куда мы едем, один из лагерей Казанского политехникума, пожалуй, весьма типичен. Начальники там — Антанас Навицкас, отличный парень.

Навицкас перешел на пятый курс, будущий электротехник. В техникум его направили со своей стипендией зарплата, на котором он после армии работал специалистом. Антанас — председатель совета общины. Думаю, мы не ошиблись, назначив начальником лагеря его, а не преподавателя, как это бывает. Достойная замена. Видно, что тоже неслучайно.

Ну вот и приехали. О своем хозяйстве Навицкас сам расскажет...

Антанас НАВИЦКАС:

— В этой смене у нас шестнадцать семь человек. Из них — двадцать пять девушек. Здесь представители всех трех отделений, на которых готовят техникума четырнадцати специально. Пока ребята на работе и не приехали на обед, мы сплотно моменте осматривать территорию.

Место мы выбрали хорошее, правильное — поля, аралы — деревья, лес. Пока еще не очень уютно, но ничего, обживем. Все ведь пришлось создавать самим, из подручных средств.

Вот здесь когда-нибудь будет настольная «Площадь друбы», а вот личину на телефонной столбе! Здесь — «Аллея споконейства», а вот тут — «Парк отдыха». А нам еще придется писать цветники «Гордость девушки» вместе, когда мы делаем эту трубу, ну из пологонных березовых стволов. А потом сами признали, что получились красивые.

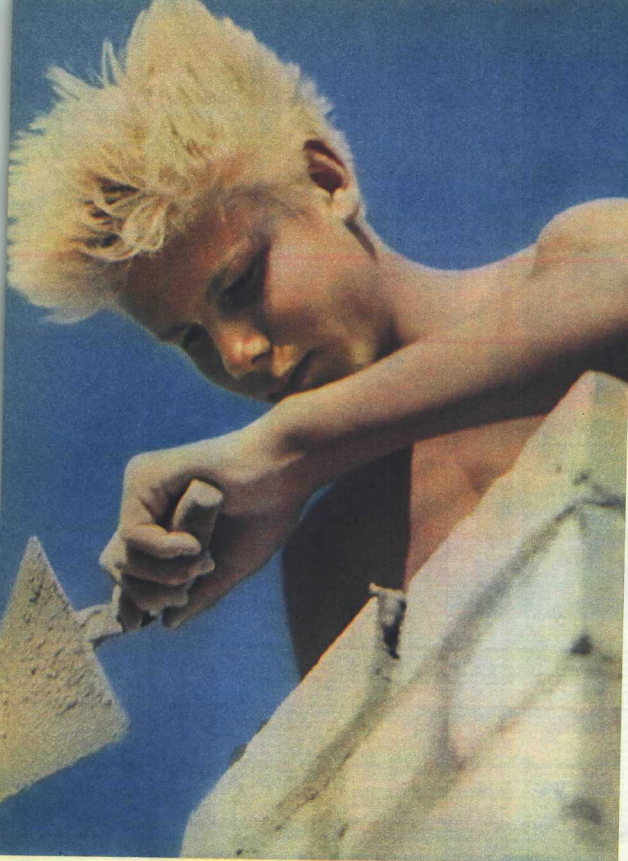
Посмотрите на столы, скамьи, навес, кухню... Ничего этого не было. Надежно сделали. Теперь у нас есть столовая «Литовские блюда».

Ребята все фантазируют!

В вечеру нас заинтересовала этот курорт. Его назвали вон там, у деревни. Ну и намучились ребята, пока подлили его вода! И катили и на ноге, силках несли. И нем ведь не меньше, а то и все двести... Это идея нашего труда — преподаватели техникума инженер Мотанасас — поставили первую камешку в честь этого мероприятия. Председатель общины лагеря Мотанасас — поставил лучшим представителю выбрать на нем название отделения и курс. В память потомству, так сказать...

Истату, это очень интересный человек — Юнас Мотанасас. Он момент за самостоятельностью своей инициативы, что учиться, преподавать, Юнас, когда еще учился в школе, хотел стать строителем. И стал. Юничин политехникума институт, преподавать у нас, а летом руководит работой учащихся в лагере. Уже не один год.

Ребята его любят. Даже над борозне Навицкас сам расскажет...

Казимир Карпавичус строит школу.

дой не смеются. Ионас, подражая кубинцам, решил не сбивать борозд, пока не закончат строительство. «Все сделаем, — говорит, — тогда сбрую».

Вон ребята возвращаются. В машине и Мотехюнас. О работе студентов он расскажет лучше, чем я...

Ионас МОТЕХЮНАС:

— Ребята здесь замечательные. А работают как Ислетко вмадрант мотонбуду... Вот идет Ирена Памлинкайте. Да, да, та стройная, темноволосая. Глядя на нее, трудно поверить, что Ирена сейчас работает изменницей. А вон тот паренек, курносый, застенчивый, с соломенными волосами, — Валдас Чибирис. Он здесь впервые просто трудно оторвать от работы. Вообще здесь никто не считается со временем. Нужно так нужно. Както потребовалось срочно подготовить фронт работ на следующий день. Ничего не пришлось договаривать. До двенадцати ночи трудились ребята, но задание выполнили.

Подопечных моих очень воодушевляет то, что мы возводим здание по проекту нашей же учащейся — Адели Янелинскайте. Я был руководителем ее диплома. А теперь вижу, как под руками этих подростков оживают чертежи, над которыми мы столько времени и колхозе «Молодая гвардия» гаражи для автомашин и тракторов, ремонтные мастерские, музичку. Это будет огромное здание из нарядного белого кирпича.

А вон там, недалеко от села, второй наш объект — восьмилетняя школа колхоза «По ленинскому пути».

Работает там парничка один — Казимир Карпавичус. Если бы мы знали, писать нужно! Оттуда только силы берутся! И это не покажу, не желаю убедить всех, что он не хуже других. Видно, действительно потребный, голос его не слышно.

Хорошая здесь собралась молодежь. Почти все комсомольцы. Вот, кстати, идет наш комсорг — Ионас...

Оказывается, это так здорово — класть кирпич! Балдас Чибирис уже успел в этом убедиться.

Сделать хороший цементный раствор — почти так же сложно, как замесить тесто для пирога.

Один из любимых видов отдыха...

Много забот у Ионаса Мотекюна и Альбердаса Мацкюса: быть прапрабабми — не такое уж простое дело.

Иозас ЛОПЕТА:

— У нас действительно почти все комсомольцы. Ребята серьезные, с большим чувством ответственности и, если хотите, с большим достоинством. Для них комсомол — это очень много.

С нежностью уезжают ребята из лагеря. Вот и сейчас уже пошли разговоры, как бы остаться: скоро ведь ноябрь, зима. Если хотите узнать настроения, поговорите ну хотя бы с той девушкой. Вы не смотрите, что носочки торчат, как у вальсеньки. Она окончила среднюю школу и уже год проработала в техникуме...

Альбина САДЖАУСКАИТЕ:

— Настроение действительно неважное. Очень не хочется уезжать. Первая неделя еще тянулась, так как приспосабливались, а вторая пролетела совсем незаметно. Плохо, что танцы короткими сменами. Остаточек не успеешь — надо ехать.

Может быть, разрешат остаться, если попросить? Но ведь всем хочется здесь побывать... Даже не знаю, что делать. Поладу посоветуюсь с девочками. А вы, если хотите, прочитайте нашу книгу отрывков. Тут и гости пишут и мы сами...

ОДНА ИЗ ЗАПИСЕЙ:

+...И иногда в вечерней тишине зазвучала слаженная песня, на лицах появилась улыбка. Это была улыбка молодых людей, улыбка поколения, которое будет жить при коммунизме. Вот в таких летних лагерях воспитывается человек — завтрашний человек. Ведь нигде так не узнаешь товарища как в лагере.

Работа — разгадай всех загадки.

Савитаска,
Вишняускас,
учащиеся III курса».

Литовская ССР.

Двадцать лет назад, 13 сентября 1943 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР организаторам и руководителям подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» было присвоено звание Героя Советского Союза. Прошли годы — и теперь люди всей земли знают о подвиге краснодонцев. Роман Александра Фадеева «Молодая гвардия» — эту книгу о бессмертных делах советских юношей и девушек, героически сражавшихся с фашизмом, — читают сегодня школьники Москвы и комсомольцы Хельсинки, кубинские патриоты и африканцы.

Скоро выйдет в свет новая книга о молодоговардейцах —

«Повесть об Иване Туркениче». Два десятилетия не только не удалили нас от напряженных событий тех дней, а, наоборот, словно приблизили к ним. Найденные новые документы. Восстановлено честное имя Виктора Третьякевича. Один из авторов этой книги — молодоговардеец Георгий Минаевич Арутюнянц, тот самый Жора Арутюнянц, которого особенно любят самые юные читатели романа А. Фадеева. Сейчас Георгий Минаевич преподаёт в Военно-политической академии.

Мы публикуем отрывок из «Повести об Иване Туркениче» и жеем доброго пути книге активного участника славных подвигов молодоговардейцев

П О В Е С Т Ъ О Б И В А Н Е Т У Р К Е Н И Ч Е

Г. АРУТЮНЯНЦ,
М. НОВОСЕЛОВ

Ваня не подозревал, что уже на третий день после того, как он вернулся в Краснодон, за каждым его шагом стали следить юные подпольщики.

Он ходил по базару в коротеньком и узком отскоком пальто, всматриваясь в лица толпившихся вокруг людей, и пытался найти хоть кого-нибудь из знакомых, с кем можно было бы поговорить. Он встретил старого шахтера Александра Васильевича Попова, с которым когда-то работал его отец. Вышел он и еще нескольких знакомых, но это были все же не те, кого хотелось бы увидеть.

Вечером он пошел в городской парк и сел на скамейку в центральной аллее, ведущей к фонтану. В парке прогуливались молодежь. Он сидел, глубоко задумавшись, и не замечал, как кто-то осторожно присел рядом с ним. Тяжелая рука легла на его плечо. Ваня вздрогнул от неожиданности и резко повернулся. Рядом с ним сидел коренастый, широкоплечий парень с легким загаром на лице и улыбался.

— Это ты? — слышно ошарашенно, радостно произнес Ваня. Он узнал своего бывшего соседа Анатолия Ковалева.

— Я, я! — радостно пожал ему руку Анатолий. — Смотри, как ты возмужал! — А ты что думаешь? Мы тут тоже не зря сидели, а росли потоньше! — отшутился Анатолий и добавил: — Ваня, а ты как сюда попал? — Да так случилось, — уклончиво ответил Ваня, — пришлось, брат... Я и не думаю, что в свой город вернусь.

Анатолий не стал расспрашивать, понимая, что Туркеничу тяжело об этом вспоминать, и переменял тему разговора:

— Да, время новелсов настало... Я вот хотел заговориться, да не удалось.

— А что? Видишь, сколько ребят в городе осталось! А многие думают уйти от оккупации. Не вышло, не перевернулось все застряло.

— А что теперь здесь делается?

Ваня обращался к нему, как к школьнику, как к младшему, подразумевая всех тех, кто сейчас гуляет по парку.

Анатолий сразу понял, что речь идет о его сверстниках. Какникак ведь Туркенич был старше лет на пять.

— А вот так и живем. Гуляем, танцуем, а кое-кто работает.

— Где работают?

— А что где. Кто на немца, а кто и против них.

— Как против них? — привинулся к нему Туркенич. Глаза его радостно блеснули. — Да говори, чего ты скрываешь! Знать что-нибудь!

Ваня не верил, что Анатолий может быть связан с партизанами. Но что его знает, ведь как всегда, не скрывая, что подросток.

— Откуда мне знать? Да ты сам, наверно, слышал: недавно в городе Лыстовки появились, а за день до этого около Хавювки машину с фашистами взорвали.

— Ну!

— Вот те и ну.
— Так что же все это делает?
— Кто его знает... Люди, конечно. Их, наверное, много...

— Ну, кто молчишь? Ты о них знаешь что-нибудь? — И Ваня посмотрел в глаза Ковалева. Тот выдержал этот пристальный взгляд и спокойно продолжал:

— А ты что, ищешь их, кто ли?

Ваня помолчал секунду в нерешительности, а затем тихо сказал:

— Интересно было бы хоть одного увидеть...

— Ну-ну, посмотри, — так же уклончиво ответил Ковалев.

Туркенич понял, что Анатолий если и не связан с партизанами, то кое-что о них знает.

Однако в этот вечер ему не удалось больше ничего узнать. Они долго прогуливались по темным аллеям парка. Каждый старался больше слышать, чем рассказывать, но в конце концов оба, насколько считали возможным, рассказали о том, как провели эти годы.

— Ваня, а ты кого-нибудь видел уже? — спросил Анатолий, когда они выходили из парка.

— Нет. У меня сейчас нет знакомых в городе. Я тебя первого встретил.

— Ну, конечно, приходи, повеселимся! Завтра соберемся у одной девушки.

— Ну что ты, неудобно! Там, наверное, будут одни школьники.

— А ты сам давно со школьной скамьи слез? Приходи, не стесняйся, да заводно и пластинок платофонных принеси, у тебя, кажется, их было немало. Приходи завтра утром часов в десять к клубу, там я тебя с ребятами нашими познакомлю.

В назначенный час Ваня с завернутыми в старую газету пластиками шел по парку. Еще издали между стволами деревьев он рассмотрел нескольких молодых парней. «Они», — подумал Ваня. Он шел, не прибавляя шага, стараясь не выдать своего волнения и любопытства. Среди других он узнал коренастую фигуру Ковалева. «Кого же привел Анатолий? Пожалуй, связанных от партизан», — думал Туркенич. Но когда подошел совсем близко, почувствовал на себе взгляд трех пар глаз и уклонил приветную улыбку Анатолия.

— Ну вот, говорил я вам, что придет ровно в десять, и пришел, прямо по-воинскому, — произнес, улыбаясь, Анатолий.

Ваня встретился взглядом с как будто знакомым парнем в очках.

«Да это же младший брат Саша Земукухов!», — подумал Туркенич и немного успокоился.

Анатолий наконец решил познакомить ребят с Туркеничем.

Первым подошел и протянул Ване руку парень в очках.

— Ты, наверное, меня не помнишь, такса? Что ж, это не удивительно: старшеклассники всегда смотрят на ребят из младших классов, как взрослые на детей. А я тебя хорошо помню по школе.

— Нет, почему же, а тебя тоже помню, — перебил его Туркенич. — Ты брат Александра Земукухова, верней?

— Верно. А это Виктор и Олег. Их ты не знаешь.

— Да — вдруг вспомнил Туркенич и протянул Земукухову сверток с пластинками. — Нате, веселитесь.

— Что это?

— Пластинки.

Земукухов, не понимая, о чем идет речь, повернулся к Анатолию.

— Это я попросил Ваню принести патефонные пластинки, — вмешался Ковалев и взял сверток.

— Теперь, пожалуй, они и не нужны, — добавил он.

«Значит, не на танцы меня приглашали», — с удовольствием отметил Туркенич.

— Чего же мы стоим! Давайте садимся рядом да поговорим ладком, — улыбаясь, произнес Виктор Третьякевич.

Сели.

— Вот что, Ваня, — сказал Земукухов, — мы сразу же после твоего возвращения в Краснодон, заинтересовались тобой...

Туркенич сидел спокойно, прикусив белыми, розными зубами палец-красный тигр клена.

— Ты не бойся, Ваня, если нам придется

Рисунок
О. ВУКОЛОВА

все-таки ков-что у тебя спросить,— продолжал Земухов.

— Да ты не бойся,— неожиданно вмешался Ковалев,— тут ребята свои.

Туркени не думал разговаривать из себя обиженного. Он приготовился к ответу, почти наверняка знал, какой последует вопрос. Но он ошкварился. Земухов его спросил:

— Ваня, ты коммунист?

— Нет,— ответил Туркени и сразу же добавил: — Еще не успел вступить.

— Комсомолец?

— Да.

— Ваня, ты хочешь вступить в организацию?

Туркени ждал чего угодно, но не этих прямых вопросов. Он растерянно обвел взглядом всех ребят и, ругаясь про себя, тихо сказал:

— В какую организацию?

— В подпольную, конечно.

Туркени еще раз взглянул на ребят и решительно спросил:

— А что для этого нужно?

— Ему не верилось, что длительные и мучительные поиски партизан вдруг так неожиданно и легко окончатся.

— Такое желание,— ответил Третьякович.

— И даже вступительные взносы не возьмем,— пошутил Олег. Он слегка заикался, и это придавало его шутке теплоту и доверие.

— Ну, как? — И Земухов протянул ему тонкую, но крепкую руку.

Туркени пожал ее, и Земухов без слов подал, что Ваня с радостью принял их предложение. Так же кратко и дружески пожал Туркени руки остальных.

— Слушайте, братья, а почему же вы все-таки не спросили у меня, как в Краснодар попал и что думаю делать? Разве вас это не интересует? — спросил Туркени.

— А мы надеваемся, что ты нам сам об этом как-нибудь в другом рассказе,— ответил за всех Виктор Третьякович.

— Хочешь, а расскажу тебе предположения Земухова? Так сказать, его научную гипотезу,— лукаво поглядывая на Земухова, добавил он.

— Так вот, попал ты в окружение, бежал, у кого-то скрывался, а когда фронт отодвинулся к востоку, пришел домой. Так ведь, угадал?

— Почти что так,— ответил Туркени и рассказал ребятам о том, что с ним произошло после того, как он попал в окружение.

Новые друзья пробыли в парке долго. Но разговор об организации, в которую предложили вступить Туркеничу, не возобновлялся. Туркени считал, что ему неудобно вновь возвращаться к этой теме. «Значит, ни нельзя всего раскрывать, наберусь терпения и подожду, пока они сами заговорят».

А ребята упорно обходили этот вопрос. И только перед самым расставанием Земухов спросил Туркенича:

— Ваня, ты завтра днем свободен? Приходи к Виктору домой часов в десять, там обо всем поговорим. Мы надеваемся, что о нашем сегодняшнем разговоре никто не узнает?

— Конечно,— поспешил заверить Туркенич.

— Итак, увидимся завтра у Виктора,— прона-нес Олег.

— Что-то я еще хотел спросить,— сказал Туркенич, поворачиваясь к Земухову.

— Да, Ваня, я хотел у тебя узнать про Сашу, где он? Если, конечно, не секрет.

— Саша на фронте. До оккупации получали письма, а теперь,— Земухов замолчал, заметив, что Туркенич недоволен ответом.

— А ты, наверное, думал, что он здесь, в Краснодоне, и поручил нам дозвониться в организацию?

— Нет, я просто поинтересовался, где он.

И Туркенич удивился трезвой логике этого, по всей вероятности, унылого и решительного юноши. Когда выходили из парка, Земухов, взяв под руку Туркенича, немного отстал от остальных.

— Ребята, идите, я вас догоню.

А когда остались вдвоем, сказал:

— Вот что, Ваня, ты не думай, что раз молодость, то и дела по-детски решат. Война многому научила нас, теперь люди взрослеют не по дням, а по часам.

— Да нет, что ты,— ответил Туркенич,— я просто не мог подумать, что ачаренные школьники сегодня могут стать бойцами. Ваня, а я ведь и Виктора Третьяковича знаю, не его самого, а брата его Михаила, и о семье моего слышал, он, видите, боевой паренек. А вот как фамилия молоденького — Олега?

— Кошовой.

— Вот Кошовой я что-то не помню. Кто его родные, где он учился?

— А ты его не можешь узнать: он в Краснодар приехал перед войной, учился в нашей школе, здесь вступил в комсомол. Я ему рекомендацию давал. Ты не смотри, что ему шестнадцать лет. Он сразу же показал себя хорошо. Да ты в этом скоро убедишься сам...

ИХ ЗНАЮТ, ПОМНЯТ, ЛЮБЯТ

ГДР

Олег Кошовой, Сергей Тюленин, Ули Громова, Люба Шевцова и другие — это те «новое, прекрасные, сильные и добрые люди», о которых мечтал Ленин в дни гражданской войны и в годы продолжения борьбы за революционный захват власти в родной стране. Это люди, буднично заботясь о покое Павли Корчагина. Это люди, борющиеся за коммунизм.

«Ворошиббат фрор ден дечбен бухацдец!»

Мы в Германии также переживали судьбу молодых героев, страдали вместе с ними, делили их радость и горе: пережили в их страшной борьбе, Разве есть кто-нибудь, кто остался равнодушным к этим юношам и девушкам! Все это предвещает молодость, которой принадлежит будущее...

(«АрБейт»)

ПОЛЬША

Героизм молодогвардейцев, который, как никогда, превосходит человеческие возможности, осмысленный в глубокой, искренней любви и социалистическому государству.

«Пригаси, которую эти парни и девушки принесли в момент создания организации «Молодая гвардия» — логические следствия их коммунистических убеждений. Такому же присягу они давали, вступая в комсомол. Война прервала их, они отдавали себе отчет в том, что выполнят свой долг перед Родиной».

(«Весь»)

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Нашей молодежи не надо напоминать историю подвига Олега Кошовой, Ульяны Громовой, Сергея Тюленина и других членов Боевого отряда комсомола в Краснодоне. Наша молодежь хорошо знает их историю, она полюбила их всем сердцем, говорит и пишет о них, а главное, они являются для наших юношей и девушек великим и светлым примером.

(«Млад фронт»)

«Молодая гвардия» стала во всем мире символом героизма молодежи советской молодежи в борьбе против фашизма.

(«Творба»)

БОЛГАРИЯ

«Молодая гвардия» завоевала сердца нашей молодежи. Национализм строителем братства носила ее имя, а ее отряды и звания — имя Олега Кошовой. Многие девочки, родившиеся в то время, получили имя Ульяны, неизменно для служб Голаргии...»

Эти факты не случайность. Они свидетельствуют об очередном водном увеличении, а о потребности молодого поколения во вдохновляющих примерах, в подлинном героизме. «Молодая гвардия» Фадеева звучит, как символ. Это оптимистическая символика, прославляющая советского человека... Понимая силу романа замечается то, что он подразумевает логическую неизбежность этих подвиги. Они были неизбежны, потому что характер советских комсомольцев отличался храбростью, находчивостью, самоотверженностью, потому что фашизм противоречил всему духовному облику советской молодежи.

(«Пламя»)

Исторические образы молодогвардейцев превращаются в типические образы героической советской молодежи, замаленной в борьбе против врагов, прекрасной молодежи, которая совершает чудеса под руководством Коммунистической партии.

(«Септември»)

ФРАНЦИЯ

Я думаю, что ни одна книга не пользуется в Советском Союзе такой популярностью, как «Молодая гвардия». Сегодня ее герои живут в советской стране точно так же, как во Франции живет образ Итаны д'Ари.

Эльза Трионе
(«Летр Франсез»)

ДВА ГЛОТКА ПУСТЫНИ

Виктор ЛЕВАШОВ

РАССКАЗ

Рисунки Г. КОЗЛОВА

Мне срочно нужно было попасть к нефтяникам, в Тейст-Дег. До Баку я дошла поездом. Тогда еще не ходил железнодорожный паром между Красноводском и Баку, а курсировали обычные пассажирские пароходы.

Мне не везло. Три последних дня Каспий штормовал, и одному судну выхода из порта не давали, и теперь кассы морского вокзала осаждало не менее тысячи человек. Воспрявляясь собственной догадливостью, я вскочила в такси и помчалась в аэропорт. Когда мы подоехали, я нетерпеливо полез за бумажником, но водитель почему-то счетчика не выключил и смотрела на меня с ласковой укоризной.

— Ты чей? — сказала я. — Выключай свою машинку, тикает же!

— Ай, дорогой! — сказала он, прямо-таки светясь от доброжелательства. — Ты туда погляди, воон тут!

Я поглядела.

— Погляди! — ласково спросил он.

— Да, — пробурчала я. — Чертов Каспий!

Когда наша машина остановилась у морского вокзала, как раз в том месте, с которого мы час назад уехали, я спросила раздраженно:

— А сразу не мог сказать, что там столько этих, догданныхых?

— Ай, джан, ты не понимаешь, что такое джань, — сказал водитель, преча дельты и не даяв

сдачи. — Ну, смешной человек! Я думаю, как мы, бедные, будем выкладывать паша, когда построит паром или наш Каспий варут станет тихим-тихим, как мышь.

— Выполнинешь, бедный, так хоть бы не хватал.

— Зачем сердиться? Не понимаю, — сказала он и пожал плечами. — Не понимаю...

Билета я, конечно, не достала. Через три часа перетруженный парход ушел. Я тоскливо посмотрела ему вслед и побрела вдоль набережной. Ашкая от соли вода плескалась о камни медленно и томно. Я остановился прикурить, и тотчас же рядом резко тормознула «Волга».

— Эй, джан! — закричала водитель. — Ты еще сердишься?

Не отвечая, я двинулся дальше. И смотреть не хотелось на его ласковую физиономию. Он выскочил из машины, дотла меня схватил за плечо и жарко занесет на ухо:

— Не сердись, дорогой! Иди сейчас на тринадцатый причал, спроси «Отважный», скажи ему: Яша просит помочь. Он идет в Красноводск.

— Иди, иди! — сказала я раздраженно. — Отважный!

— Ай, всемель человек! — закричал он сердито. — Ай, смешной какой! Я тебе говорю: иди на причал, спроси кароб (он так и сказал: «караб») «Отважный», скажи капитану Гицо: Яша просит помочь. Понимешь? Или не понимаешь?..

Он замолчал, дернул себя за иссиня-черный ус, уселся за рулем.

— Ай, весело тебе будет ехать! Попутчик будет — ай, ай!

— Что? Какой попутчик?..

— Поехали, шофер! — позвала его из машины.

На самолет опоздаем!

— Еще один догадливый! — поинтересовался я.

— Ай, не говори, пожалуйста! Что мы будем делать, если наш Каспий станет тихий-тихим? Не понимаю, не понимаю!

— Веселый ваш Каспий! — пробормотала я ему вслед.

«Отважный» оказался огромным мрачным танкером. Он терся грязно-зеленым бочком о пристань, ватерания едва проглядывала сквозь воду; так тяжело он был нагружен. На носу вознахит три матроса, бляста голыми бронзовыми спинами. Никого больше не было видно, и от этого танкер казался еще больше и пустышнее. Капитан Гицо, высокий, могучего сложения старик в белой китель, с седыми усами под грозным красным носом, высунувшая меня, жаловало улыбаясь, спросил кротко:

— А там, скажите, пожалуйста, много еще осталось людей на пристани?

— Да человек триста.

— Так-так, так-так! — проговорила он задумчиво и варуд, поборгова, гаркнула: — Семечкин!

Показал матрос. Кирагин Гидю кивнул на меня: — Еще один. Приводит его в дежурку. — И снова закричал, побатовев мгновно: — Сообщить в порт: прощай выдох! Еще час — у меня на борту будет трясина меловая.

Матрос указал на дверь и вежливо сказал он мне: — Мой планшетный Ил думает, что у меня не танкер, а теплоход «Россия».

Матрос показал мне дверь и побежал на корму, гротом сплотившейся обшивке. Я толкнул дверь и остановился на пороге, ожидая увидеть плашку комнату людей. Но не увидел ни комнаты, ни людей. То, что вежливый капитан Гидю называл дежуркой, представляло собой тесную комнату с двумя койками. На койках были привинчены к полу две железные койки того же грязно-зеленого цвета, что и борта танкера, посредине — маленький квадратный стол, сверху на длинной шпуре спускалась маленькая лампочка с жестяным абажуром. Края мои глаза свисали с полукармом каюмы, я заметила на спинке одной из кроватей чьи-то длинные ноги, обтянутые белыми парусиновыми штанами. Обладатель их лежал на койке и, покуривая, читал газету. Вокруг тонкой шпир у меня повисал красный платок, на губе торпачились нерешительные усы, нос его а фак был голый; глаза, узкие, маленькие, ленивые, смотрели на газетный лист с ленивостью равнодушным. Он даже не переваливался.

Я оторопело присела на свободную койку — было от чего оторопела! — закричала и сказала: — Здравствуй, Боря!

Только тут он повернул ко мне белое одоропело лицо, сморщился, узнавая, кивнула: — Привет!

И уткнулся в газету. И если у меня была хоть тень сомнения в том, что я не обманула, то она тут же растаяла под точкой его взгляда. Он кивнул и ответил, если бы я вошла в его комнату в Москве за пустым делом. Так он смотрел и здоровался, когда мне случалось к нему заходить. Это было не так, как в дежурке, где он только не видел. От знакомой рефлекс я сманула, что он с оглядкой зашита диплом и был оставлен в аспирантуре. Слышала я также, что он влез в сапожники своей работы заведующего кафедрой, тогда только про него говорили, что девушка за которой он ухаживал три года, неожиданно вышла замуж за его приятеля и уехала с ним на Север. Я думала, что так оно все и было. Ил мог быть, судя по его виду, и в дежурке. Но он только мне был одоропелым, только он учился на истраке. Как-то жила даже в одной комнате одоропелого, но у него была скверная привычка оставлять спать в три часа ночи, и я быстро от него переехала.

Парень он, в общем, был безобидный и довольно бесхитрый, мог подолгу и интересно рассказывать о систематизации книжных фондов при Иване Грозном и самозабвенно собирал радиоприемник из маля менашек, чтобы при случае подарить кому-нибудь на свадьбу или день рождения, а потом переключался на телевизор и до трех часов ночи кодавала над схемами, удовлетворенно похмыкая и иногда начиная тикать свистеть. Жил с ним в одной комнате, но спать отдельно, и я и не ухаживала до него так скоро, если бы не эта его привычка жечь свет до трех ночи.

На факультете его почему-то считали ставной ногой одоропелого, но не так, что знал его ближе, — этого мнения не поддерживала, а только небыло поменялась над постоянством его привычек и фематичностью.

И теперь, глядя на его длинные ноги, я отметила с удовлетворением, что колд с собой эти начавшие посылать в такие командировки, столь же скоро ничего не останет ни от его привычек, ни от его фематичности.

Фабрика играет человеком. Ты в командировке.

— Нет, я провою свой трудовой отпуск, — сказала он равнодушно.

Было от чего поперхнуться: отпуск проводит! Трудовой отпуск! Где! В Краснодаре, то есть даже не в Краснодаре, а в Краснодаре! — А Подмосковье! — закричала я. — Твое любимое Подмосковье, пошла на электрική и пять минут ходьбы от станции! А, Боря!

Он отрывисто от газетной странички, он сел тут же, повиснув.

— Особенно, какие-то агитные дела потребовали моего присутствия в Краснодаре.

— Дел! Личные дела? В Краснодаре? Он не отвелся.

— Ну, милый, — сказала я, — ты даешь! Других слов я найти не смог.

Мы вышли из Баку. Было тихо. Началось ночью, не знаю во сколько. Слава, и меня прислонило, что я думаю о том, как мне захватить, платки раскидают их. Принято качаться так пять минут, и пять минут я даже жмурился от удовольствия. Потом прощало еще пять минут, еще 다섯 минут, а они и не думали останавливаться, эти молчаливо-зеленые. Я им закричала: кончайте, платки только за пять минут, а им хоть бы что — раскинуват себе. Голова у меня на этот счет крепкая, но в конце концов замучило. Вот тут я и проснулся. Когда я проснулся, было уже пять часов. Вокруг меня, как ламинатор, наши койки — все качалось вокруг нее: вверх — визг, с боку на бок. Квадрат стола выплыла под лампой круги и зашлись, желтое пятно света было то на моих ногах, то отпояла, и джере, потом перескочило камору наскос, чтобы на нем задержался на голове Борися. Брочки его и рубашка были аккуратно повешены на спинку койки, туфли ползали по полу вперемешку с ногами. В трусках, с красным платком на шее, Шабулян делал поверх одедала и равнодушно смотрел в потолок. В выражении его лица проскальзывало что-то необычное, что-то вроде озлобленности: он морщился, кривила губы, смеялся и и посылал его есаулу в бочонок, привычному как морю, становился худю, то как-то ему: он ведь и моря-то толком не видел, разве что Московское.

Я посыдала на койку, стирившая тушю оуэр от скандала и морской качки, стала одоропелая. Сказала Борису:

— Пойдем наверх. Боря, там посвежее, помечте. — И хотел уж прокричать все это снова, заметил, что привнес, но он не мог подниматься. Выбрав для себя ноги, я посылала его есаулу в бочонок.

Раскинуват вверх, я сунался в темноту и столца получила по лицу морской холодной тряпкой. Я зарывалась вверх и отдышался, сразу стала свежо и весело. Боря сунулся тоже и тоже отпоянался за прикрытые двери.

— Ух, хорошо! — закричала он.

В стеном шкафчике мы нашли три старых плашки, две поменьше и поцара, завернувшись в них и полезла наружу, точно ныряли в холодную воду. Полулау осторожно по каким-то переходам, мы почувствовали, как снизу дохнула теплом и слышали, как валила вода. Мы вылезли из бочонок и мягких ударов: мы были над машинным отделением. Поздн, над капитанской рубкой, мерцал калитковый огонь, молотый прожектор был слепил, слыша шум от колес и от воды. Мы отступили на ушко площадке, сдержанной перильцами, забивая под укрытие спардека и сержанские, там, зашпитечные, хоть и плахло, от ветра.

Танкер сидел низко, волны перекатывались через него, но до верхней палубы не доходили, дробились об утлы и шты, взвивались вверх белыми фонтанами, а здесь их уже рвал ветер и рассыпал над черным тяжелым темом ступня, делая прохладительный шум четкого ветра.

Под ною были теплые. Мы пригрягали, попытались закурить, но ничего не вышло: спичка не горела, а папироса мгновно размокала в руках. Мы вылезли на Борису: чернота зашпитечных на белом лице, открытый рот и мокрые уски над губою. «Повеало нам», — хотел сказать я ему сочувственно, но для этого нужно было кричать, а нагрягали не хотелось. Я снова влез в плащ, как сосулька в ворс и наколосла.

Удры по борту становились резче и чаще. По-видимому, мы входили в центр шторма. Я подумала, что нужно бы вернуться в кубрик, но от одоропелого сопоставления о мутном его ступе, и желтом пятне лампы стало мне совсем худо. Я решила, что лучше уж здесь, где вода и ветер, резкий, холодный, чистый.

И вдруг я почувствовала, как-то странное зевуче, то был не шторм и не рокот машин. Я вынуждена, с недоумением вглядывая в Борису: верное пятно его рта становилось то больше, то меньше, бегалась порою зубы — он лез, да, он делал, как будто, а я думала, что он смеется, влез из-под капюшона и устался на дле, а пел, черт его возьми, и даже смеялся!

Особенно высокая волна инкатила на танкер, выдалась от бортов и ослепила меня. Я увидела потяка за шиворот. Я быстро спряглась и почувствовала глухое раздражение.

Борис наклонился ко мне, прокричал: — Как думается, двенадцать баллов есть! Он! Гей! закричала я. Три балла

Было, конечно, не три, а все семь балл носом. Но мне почему-то стало обидно: я, плававший, хоть и не подолгу, на трех морях, будь выморачиваться называю, а он, этот любитель! Подмосковье, хоть бы что и готовит теперь для своих приятелей, расказал о том, как он пошла в дежурку. Дядибабый шторм. «Ой тебе, а не расказал», — подумала я и снова закричала:

— Три балла — и все! — Три балла? — Да! — На Каспии больше не бывает!

Тут мне пришлось ползком вдоль стенки пробраться к перильцам и перевернуться через них: доказательств мей-таски Каспия. Я радостно тому, что темно и шторм, и ничего не видно и не слышно. Но он пошла, в чем дело, и больше не пел, а по-года закричала:

— Виде плахло, да! Я сказала вид, что ничего не слышу.

— Нет, ты лучше скажи, — зарыв я, — за каким чертом тебе несет в Краснодаре? Ты мне это скажи!

Он, как черепаха, втянула голову в панцирь капюшона, соприцался отлуду и коротко шевеляла губами.

— Чей? — закричала я.

Он снова пошевелила губами. Я хотел уж ругнуться, но он привиднул свой рот к моему уху и сказал нормальным голосом:

— Смейтесь будьте! — Чей? — зомато я гололой.

Мне и в самом деле было не до смеха.

— Будешь, — сказала он. — Я бы и сам стал смеяться...

Было далеко за полночь. Наверху нет-нет да и проскльзывала свежая звезда, но танкер все было и было штормом. Мы молчали. Но вдруг Борис осадил вылаз капюшона и закричал:

— Дом напротив нашего обидчикте поминишь? Я кивнула, чтобы он отозвался: мне было по-прежнему худо.

— Поминишь! — повторил Борис.

— Поминишь! Помини! — крикнула я со злостью, почувствовав себя неожиданно бодрее и решив, что нужно кричать, раз это помогает от морской болезни.

— Да! — обидчикте пединститу! — сообщила Борис после продолжительной паузы — сообщила:

— Знаю!

— А я где жила, там и живу! — крикнул Борис.

— А она, оказывается, жила напротив!

— Вот и хорошо! — закричала я и тут же спохватилась: похоже, что Шабулян начал что-то рассказывать.

— Кто она?

— Девочка!

Теперь я уже кричала не только для того, чтобы отогнать муторность, но и чтобы сократить паузы между его сообщениями.

— Как?

— Пятикурсница!

— Понятно! Даваше!

— Ага! Даваше два года жила!

— Ага!

— Смотрела в мое око!

— Бесноватая!

— Ага! — крикнул телевизор.

— Хуаааааа!

Вот так мы и разговаривали. На мои слова он почти не обращал внимания, только смотрел, слушало и я его, и если, если и ничего не кричал, он повторил, что вылазла раньше, терпеливо ждала моего отхода и назвала слова:

— Она, оказывается, думала, что я упорный!

— Ага!

— Нету! — крикнул он что до трех часов ночи не спало!

— Ага!

— Она, оказывается, училась у меня упорству!

— Понятно!

— Она покрутила носом и замочала. Я очень ослаб от крика! Потрянула на сон, но никак закричала, как снова оказалась на качель. И с чего бы это? — думала я вло. — На трех морях: «аваа, а ведь это даже и не море, если говорить строго, как-то, но к черту, море, даже нет выхода к океану!»

— Это было нездорово! — прокричал Борис.

— Что это?

— Ага! — крикнул он, вылез из-под капюшона и устался на дле, а пел, черт его возьми, и даже смеялся!

— Понятно!

— Она увидела, как я собираю чемодан!

— Ясно!

— Как я ее на стул и смотрю, все ял язал!

— Ага!

— Как я курю и оглаждаю комнату!
— Угу!
— Как я падал пальто и взял чемодан!
— Ого...
Если не принимать во внимание паузы и мои релаксы, которые носили исключительно испоготительный характер, далее выделю примерно так:

— Она побежала вни! Она встретила меня на улице «Вы далеко уезжаете?» — спросила она. «Даже», — сказала я. — «В пустыню», — сказала я. «И так и знала», — сказала она. — «Вы, наверное, геолог!»

Пауза была длиннее, чем обычно.
— «Так и должен настоящий человек уезжать», — сказала она. — «Слова закричал Борис», — «Поблизости в черной ватке похрустеть и уезжать», — сказала она! — «Легко и просто», — сказала она! — «Без оглядки», — сказала она!

— Давай-давай! — поторопил я Бориса.
— Он дернулся и, напрягшись, продолжал кричать:

— «Спасибо вам», — сказала она! — «Вы очень мне помогли», — сказала она! — «Вы мне жить помогли», — сказала она! — «Я вас всегда буду помнить», — сказала она! — «Я вас люблю», — сказала она!
— А ты что?
— А я ничего!
— Ура! — закричала я и побежал было к перильцам, но Борис ухватил меня за воротник и кричал в ухо:

— «Жулао вам успеха», — сказала она!
— «Вы настоящий человек», — сказала она!
— Пусты, черт!

— «Я желаю вам трудных путей и трудных побед», — сказала она!
Тут я вырвался и, обещавшись, вернулся. Борис молчал.

— Давай, поехали! — кинул я ему.
Он выскочил из стены спартаки и коротко, влоло поспеваля губами.

— Что?! — закричала я и пряднула свое ухо к его личу.

Он выскочил шваром, как бревно, с волны на волну, он погружался до нижних надстроек, и снова всплывал, и снова погружался, бугалась, в свистящей пене. Бывла шиторная каскадная лопь, был жесткий ветер, чистый и горячий от соли.

— А я шел в прачечную, — нетерпко сказала Борис. — Садить белье...

— Проклятый Каспий! — только и смог я выговорить.

Мы долго сидели молча. Лицо у Бориса было жаждо, расперенное. Привалившись к стене, он смотрел куда-то вперед, где прыгал и метался фомор носового огня. Потом вдруг вскопчал, скватива меня за плечи, иструкнул и закричал ярво.

— Я ни в какую ни в пустыню, логия! И вообще я никуда, пона! И никакой я не геолог! В прачечную — грязное белье, ясно!

— Знаю, Борис, — пробормотал я, зная, что он не может усамнеть, но каким-то чудом он все-таки услышала или угадал по движению губы. — Это я знаю. Но быть хорошим историком — это не менее важно. И ты знаешь это.

— Знаю, — сказала он и отступила меня, сел рядом, и мы долго ели молчали.

Потом вернулись в дежурку. Дверь захлопнулась. Стало вдруг очень тихо: историк остался снаружи, а здесь только стены раскачивались вокруг неподвижной лампы. Но я как-то и не обрщала уже на это внимание. Была слабость, голова уже не кружилась, и было почему-то горько и тигостно.

И Бориса до койки и тяжело опустился на нее. Борис са рядом.

— Привилась брать отпуск, вот такие дела, — сказала он, точно выходяща.

— Дерь... — отозвался я. — А она крисания!

— Да нет, что ты! Маленькая худая, толстая отки... Она, помнюшь ли, на другой день уезжала работать в якуто-то деревню, в Сибирь. Сипи-ты. Совсем заебаный.

И стал стесиваться с меня куртку. — «Эй, Борис, а ведь она бы и не узнала, что ты — в прачечную, а

— Она-то не узнала бы, — сказала он и пона на меня растерянный взгляд. — Она бы не узнала, конечно... А мне какой?

— Подожди еще, Боря, а почему именно Красновокс? Почему Красновокс?

— Пустыни там есть?

— Есть.

— Вы слышишь, и пустыни есть...

— Боря, — сказала я. — Ты настоящий человек. Поверь, ты действительно настоящий человек! Запечатывай ты чепевок, Борька! Ах, черт, давай!

— Да нет, что ты, — сказала он и несвесло мямкнул. — Гауло как-то...

— Говоря откровенно, мне и без того давно хотелось посмотреть, что это за Красновокс, добува он положе... Интересно все-таки. Давно собирался.

— Врешь, — сказала я. — Не нужно врать, Боря, совсем это не жуло.

— Да нет, — сказала он. И, помолчав, разволнуясь добавил: — Как ты думаешь, нас не потопит? — Нет, он же как огурег, наш танкер, в нем девяносто восемь процентов воды, — ответил я, свалась улыбаюсь. — Пресной воды для Красновокса.

За Красновоксским аэропортом, если выйти из гостиницы для транзитных пассажиров и пройти два километра только на север по раскаленному песку, можно увидеть бассейны. Впрочем, это даже и не камни, а то, что осталось от бархана, разнеженного афганцем, этим веселым ветром, — сарданы бархана; она крепко сжалась и не поддалась ветру. Внешне ничем он не примечател: просто пологая возвыса валу на краю пустыни, греется на нем янприца, но увидеть их, чуткий трумом.

В общем, камень как камень, в пустыне степи и поинтернее. И никогда не подумашь, что для того, чтобы взглянуть на этот камень, стоит тащиться два с лишним километра по чертону гуду. Также уж это место — Красновокс. Поглядеть его камень и чуткушить себя пирожком, послуженным в подну русскую печи, а о пустыне и говорить нечего.

Но я все-таки пошел к этому камню. Когда, проспав несколько часов, я узнал, что Борис уехал обратно в Бакну на пассажирском парходе рейсом 18.00, я вышел из гостиницы и двинулся по его следам. Песок хорошо сохранил их: следы вели прямо на север, одна цепочка туда, другая — обратно.

Я прошел по этим следам немного больше километра, и вдруг цепочек стало не две, а четыре: две новые, две старые. А в гостинице аэропорта. Я быстро собрался, в чем дело: Борис шел назад, потом, потоптавшись на месте, снова повернул на север, по старым своим следам, и лишь тогда уж вернулся окончательно.

Все четыре цепочки образовались у этого самого камня. На нем сидела ящерица. Она поджала голову и соскочила в песок. Впереди до самого горизонта была пустыня — ровная, жаркая, без следов. Позади виднелся город. Чуть ближе — низкие крошечные аэропорты.

Я осмотрел камень. Камень был как камень, и ничем особенного. Посидел на нем, покура и пошел обратно. Но на подлоре усомнился: а вдруг я чего-то применительно не усмотрел в этом камне? Ведь не же Борис ашинул раз толка два километра лишь для того, чтобы еще раз поглядеть на одрябленный камень! Смешно сказать, но я вернулся, еще раз взглянул на камень, ничем, конечно, не приметна особенного, плахнул с досадой и вернулся в гостиницу, разморенный и злой.

— Странный он, этот ваш приятель, — сказала мне администратор. — Непонятный он какой-то. Я говорю: «Его же вы так сразу уезжаете!» Он бирались дожить два дня, даже деньги вперед заплатил, а теперь уезжаете, даже не переночевали!» А он говорит: «Я уже все свои дела сделал!» Интересно, конечно, но почему-то я не сплю, слыла, вызвала такти и ухала в порт. Непонятный он, этот ваш приятель.

— Да, он такой, — согласился я, изываясь от обиды и зпок. — Непонятные не бывают...

— Эх, Борис, — Агма и — Эх, ты, пжжж, оуаа, даже не попрощался! Эх ты, ты!

— Он просил передать вам привет, — сказала порт.

— Все-таки передал, — думал я, поднимаясь в свою комнату. — Молодец, передал... Но все равно мне было почему-то тоскливо, и я твердела с тем, что когда вернусь в Москву, обязательно съезду к нему в гостиницу, чтобы посмотреть, что в этом камне на его пустыни. И пусть только не ответит!..

Самое же Небит-Даг вылезло через два часа. Под крылом была пустыня, пустыня, пустыня. И, глядя на пустыню, красую от заходящего солнца, я вспомнил вдруг старый дуб, который рос возле заброшенной мельницы в небольшой деревне, где, одно лето, которой я сюда возмужал меня в глубоком детстве. Мы звали его Кошечем, этот дуб. Обрубленный черной ствол напоминал огромного уродливого великана с руками-ветками, застывшим напряженно, готовым скватить каждого, кто смеется по добой. И днем-то это место было не из приятнейших, о ночи и говорить нечего. Однажды, распавшийся приятелем, Валехо Уховым, я заявил, что пойду к Кошечу и ступу по нему рукою.

— Врешь, — сказал Валеха — сарфидиш!

— И я пошел. Но приблизился к дубу духу не хватало. Я отсидался в кустах и, вернувшись, сказал Валехе:

— Чего?

— И он посмотрел на меня с огромным уважением.

— Все лето я пожинал плоды своего «бестрашия». Представляю меня ребятам с соседних улиц, Валеха говорил.

— Он ночью ходил к Кошечу.

На меня смотрели с почтением и завистью. Чтoby подтвердить репутацию отважного героя, мне пришлось выдать листовку с трагеторному образю, забираясь на бантик к беспощадному сторожу Охренкино, который без раздумий палал солом; зажимившись от страха, шепчавшись в хоку, трисился на спине новоростого колхозного мальчика.

Новая слава моя была велика, но почему-то при новых знакомствах Валеха Ухов говорил, гордился мною:

— Чувство хомата к Кошечу.

Чувство хомата, которое я тогда испытал, запомнилась на всю жизнь.

И я подумал тогда, над багровою пустыней, что ничего нет странного в поведении Бориса: просто он сдмал то, чего когда-то в детстве, пятнадцатилет лет назад, не сумел сделать я; стукнуть рукою по уродливому стволу дуба Кошеч. Просто он вышел посмотреть на пустыню, посмотрел и пошел обратно. А с подлорой вернулся и еще раз посмотрел — для верности. А возможно, у него почувчалось так, как иногда бывает, когда напысьна и ухлосит от коллации, и вдруг чувствуешь, что не совсем еще напысьна, и возвращаешься: тынеш уже досада, чтобы надолог хватало. Так, наверное, вернулся и он.

Глядя на пустыню, павуянуло под низким крылом самолета, я думал, что по-разному учил нас жизни, честности, решительности и мужеству: одним на него жила оставалась горячий стыл, от мялкою мальчишеского вярна, другим подсовывал в окоя напротив хуленую студентую в толстых очках; третьим велел на север или на восток сматываться, чтобы по трудным дорогам за трудным счастьем, а часто дороги эти вообще не выходат за горюскую окраину, но это совершенно ничего не меняет...

С тех пор прошло два года. Я так и не собрался заехать к Борису: все откладывал и откладывал, а теперь уже, видно, не соберусь. Я слышала, что он блястине зягити диссервацию, отказавшись от сматывания страны по трудным дорогам за трудным счастьем, и неожиданно для всех счастливо женился на какой-то потрясающе красивой женщине, чуть ли не на опереточной актрисе. Не знаю, насколько все это верно. Рашье бы я никогда этого не поверил. Но ведь рашье я никогда не поверил бы и тому, что встречу однажды Бориса Шабалина в тесной дежурке танкера «Отважный» и увижу его следы, ведущие от гостиницы Красновоксского аэропорта к незарубочено камню на самом краю пустыни.

Сорок пять лет назад вышла первый номер «Юного коммуниста». Это был первый советский молодежный журнал. Сейчас он называется «Молодой коммунист».

Наш корреспондент встретился с главным редактором «Молодого коммуниста» Дмитрием Авраамовичем и попросил его ответить на несколько вопросов.

ИНТЕРВЬЮ «СМЕНЫ»

РОЙ ЖУРНАЛ, КОМСОМОЛ!

— РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, О САМОМ ИНТЕРЕСНОМ, ЧТО ПОЯВИЛОСЬ В ЖУРНАЛЕ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ.

— Круг тем, по которым выступает журнал, чрезвычайно велик. «Молодой коммунист» стремится удовлетворить духовные запросы молодежи, помогать ей повышать идейно-теоретический уровень.

Особенное внимание мы уделяем развешению решений июньского Пленума ЦК КПСС.

Чтобы каждая статья о коммунизме, о Программе КПСС, о партии, чтобы каждый очерк, каждая даже самая маленькая заметка о коммунисте доходила до сердца читателя, запоминалась, заставляла молодого человека задуматься, редакция приглашает на свои страницы самых уважаемых людей страны. С интересными статьями у нас выступали Герои Социалистического Труда член партии с 1896 года Ф. Петров, Н. Заглада, Т. Азудова, дважды Герой Социалистического Труда А. Улесов, академик И. Лаврентьев, И. Петровский, С. Струмилин, Д. Щербак.

Как нужно жить, чтобы потом никогда не жалеть о прожитых годах? Что такое романтика и подвиг? Когда труд прекрасен? Как воспитать в себе качества настоящего коммуниста? Что делать, чтобы жизнь каждой комсомольской организации была интересной? Что вам нравится в новых книгах, спектаклях и кинофильмах? А что не нравится? Почему побеждают советские спортсмены? Как живут наши сверстники за рубежом? Что такое счастье? Любовь... Какая она? Обо всем этом можно прочитать на страницах нашего журнала.

Выдержала испытание временем наша самая старая и, пожалуй, самая популярная у читателей рубрика — «Романтика революции — с нами!». Если объединить все очерки, посвященные этой теме и опубликованные в журнале, получится солидная книга о последнем защитнике Парижской коммуны и о партийном гимне «Интернационал», о первой русской мавзее и о народолюбцах, о неизвестном ранее герою Н. Сташкове, секретере Дзержинского подпольного обкома партии, и о Сергее Воропаеве, диване которого был случайно обнаружен в лагере военнопленных Ламсдорф, в Верхней Силезии... Это будет книга о неунывающих традициях революции, о замечательных эстафетах поколений, борющихся за коммунизм.

Комсомольские работники, безусловно, могут заинтересовать материалы, в которых журнал рассказывает о высоком приваивании комсомольского звания, об опыте производственной и организаторской работы, о важнейших проблемах комсомольской перестройки.

Появились в «Молодом коммунисте» и новые рубрики: «Поговорим о подрастающем», «Спорт», «Встает Суд ядети» и другие. Интереснее и шире показывает твердь журнал жизнь наших сверстников за рубежом, участие молодежи в борьбе за мир, демократию, национальную независимость.

Молодежь интересуется и проблемами личной жизни. «Молодой коммунист», стараясь помочь ей, печатает статьи и очерки о дружбе, любви, семье. Первым поднял журнал и вопрос о любовном воспитании юношества.

Расширился не только круг наших тем. Разнообразнее стали и жанры, в которых выступают авторы журнала. Появились памфлеты, фельетоны. Чаще на страницах журнала печатаются очерки.

Популярности журнала содействовало и привлечение новых авторов — партийных и комсомольских работников, ученых, журналистов, писателей, деятелей культуры и искусства. В журнале выступали комсомоваты Андриан Николаев, Валерий Блюновский, Валентина Терешкова.

В «Молодом коммунисте» сотрудничают В. Амлинский, А. Безъязынский, Е. Евтушенко, Л. Никитин, В. Разов, В. Щыбин и другие. С большим интересом были восприняты читателями выступления выдающихся мастеров советского кино и театра народных артистов СССР Сергея Герасимова, Михаила Гоминова, Бориса Смирнова, Бориса Чиркова. Любители спорта не могли пройти мимо статей старшего тренера сборной СССР по футболу К. Бескова и гротесмистки Сало Флора. Назвать сейчас всех наших авторов просто трудно.

— КАКОВЫ ПЛАНЫ ЖУРНАЛА НА БЛИЖАЙШИЕ НОМЕРА!

— В центре работы журнала по-прежнему пропаганда Программы КПСС. Тема эта по своему содержанию не может не завлечь молодежь. Редакция журнала будет стремиться, чтобы и по форме статьи и очерки о величайшем документе эпохи были также интересны и увлекательны. Оперативно откликаться на все события, которыми живет наша молодежь, — одна из важных задач редакции.

Планы журнала обширны. «Молодой коммунист» постарается порадовать своих читателей интересными статьями, очерками, рассказами, фельетонами и т. д. В короткой беседе трудно рассказать о всех планах журнала. Вот, например, одна новая рубрика.

Она будет называться «Наедине с собой». Здесь мы собираемся говорить о самоосмыслении, о том, как воспитать в себе идейную убежденность, настойчивость, волю, мужество, как расширить свой культурный кругозор, развить свои способ-

ности, воспитать чувства, вкусы — одним словом, о том, как стать настоящим, интересным человеком. Мы напишем о пытливости, дисциплине ума, трудолюбии, о простоте и искренности, о тате и принципиальности, чуткости, об уважении других точек зрения, других вкусов. Расскажут наши читатели обо всем этом прославленные рабочие и видные ученые, заслуженный летчик-испытатель Герой Советского Союза С. Анохин, писатели А. Меркулов, Л. Оволов, В. Чинчилкин, журналисты.

Появится еще одна новая рубрика — «Страница пропагандиста». Здесь будут печататься материалы для руководителей семинаров, политехников, самостоятельного изучающих марксистско-ленинскую теорию, историю партии и комсомола, важнейшие проблемы современной эпохи.

Таковы планы только по двум рубрикам. А их много. С остальными читателя познакомятся в ближайших номерах журнала.

— ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ РАССКАЗАТЬ О СВОИХ ЧИТАТЕЛЯХ!

— «Молодой коммунист» — журнал молодежный. В первую очередь он рассчитан на молодых людей комсомольского возраста. Поэтому наш главный читатель — юноши и девушки.

И если прежде мы ориентировались в основном на комсомольский клуб, то теперь «Молодой коммунист» читают не только комсомольские работники, но рассчитан на самый широкий круг молодых читателей: рабочие и колхозники, учащиеся и студенты, воинов. Не удивительно поэтому, что за один только год тираж журнала увеличился на 70 тысяч экземпляров.

Показателями роста популярности журнала может служить и явное увеличение числа писем читателей. Но важно не только количество. Письма теперь стали одним из самых главных источников новых тем, новых задумок редакции.

Вот, например, только одно письмо из города Белая Калита. У девушки круг. Раздвинулась семья. Она перестала верить людям. «Разве могу подруги я и незнакомому человеку и сказать: «Друг, у меня беда, помоги!» — пишет она в редакцию. Автор письма перенесла свое личное разочарование на весь свет.

Проблемный очерк по этому письму можно прочитать в 4-м номере журнала.

Взвешивая круг наших читателей не ограничим какими-то возрастными пределами. Среди них люди разных поколений. Его читают и комсомольцы, и коммунисты (и молодежь, конечно, в том числе), и школьники, и пенсионеры.

Число читателей «Молодого коммуниста» продолжает расти, и мы верим, что с каждым годом их будет все больше.

СОЛДАТСКОЕ

Н. АЛЕКСАНДРОВА

...Кончилась неслучайная солдатская неделя с ее неожиданными тревогами, трудными марш-бросками, напряженными стрельбами. Из походов вернулись домой солдаты. И казалось, плавать над издрыванной тишиной и покоем. А тут — суета, веселье, забытая усталость. На стадионе таянут белые известковые плиты легкоатлетов. Гимнасты, словно перед боем, проверяют свои снаряды. И в кабинетах преподавателя спорткомитета офицера Ульянова не менее деловая обстановка.

— Как, кем он сказал? — наступают на Ульянова командир подразделения Шарыпов.

— Да так и сказал, — усмехается Ульянов, — не видать вам большие торты.

— Это он что, серьезно?

— По-моему, да.

— Ну так вы ему скажите: не будьте этому.

Шарыпов в сердцах хлопнул дверью и понес тревожное известие в подразделение. Если уже Гурьев (а он слов на ветер не бросает) так говорит, значит, его ребята не собираются без боя уступать призовые торты и предстоит серьезная борьба. Дело в том, что в прошлом году большинство пышных бисекстных наград съели в том подразделении, где спорт любит все, начиная с командира и кончая солдатом-перевозчиком. Тем самым солдатом, который, придя в подразделение, заявил, что спорт не его стая.

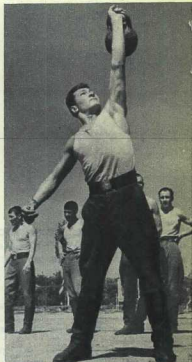
Там душал Михаил Товстик. Он не умел ни бегать, ни прыгать, с опаской обходил гимнастические снаряды. Парней был здоровым, но до армии как-то не пришлось всерьез заняться спортом, а потом решил, что начинать уже поздно. Как переубедить таного? Словами не возьмешь...

— Трое здоровенных парней, сильная рукоятка ношей, наступают на безоружного солдата. Трое на одного!... Среди тройки и Михаил Товстик. Дерзанный ношей сваливает его, берет руку. Он растерян, словно извинился, улыбается. Как бы и вправду не покалечить этого малахша... Товстик так и не понял, инстинктом оказался вместе с двумя товарищами на землю и без оружия. Все свершилось несколько секунд. Вод дружелюбных смех сослуживцев, тесным кольцом охоруживших площадку, незадачная тройка отсыпала в траве монету...

Конечно, не каждый солдат именно так начинал свое знакомство со спортом. Таких было немного. Было... А сейчас смотрите. Товстик участвует в соревнованиях по самбо, у него неплохие результаты в беге.

У конских спортивных праздников своя специфика. Ни один из них не пройдет без традиционного паратягивания каната, поднятия двухлуповой гири и военизированной эстафеты, атлеты которой включают множество солдатских «специальностей». И эти состязания ребята готовят особенно тщательно — ведь здесь проверится не только физическая подготовка, но и профессиональные знания, смекалка. И понятно, почему так охотливо происходит борьба в паратягивании каната. Во время финальной острого зрители не выдеривают и орут нают команды. Как хочется помочь своим! Кажется, что только этого усилия не хватает для победы. И судьям приходится сдерживать чересчур темпераментных болельщиков...

Спортивные соревнования — это еще одна проверка силы, выносливости, физической закалки воинов, стоящих на страже любимой Родины.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Фото А. МОРОЗОВА

1 Наибольший интерес у зрителей вызывает состязание по перетягиванию каната.

2 25 раз поднял двухпудовик рядовой В. Бочар.

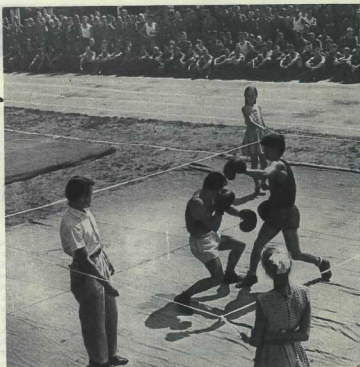
3 Бокс — любимый вид спорта у солдат.

4 Юрий Кашев — отличнейший бегун, мастер спорта.

5 Расчет сержанта Резо Хубуа был лучшим в воензированной эстафете.

6 — А горь все-таки достался нам, — говорит своим друзьям Резо Хубуа.

7 Увлекательное это зрелище — массовый бой невооруженного подразделения против вооруженных «соперников».

3

6

СПЕРЕВЕДОМ

ГАЛА

ВАСИЛЬ

то очень тихая улица.

Тихие дворки, тихие деревья и даже гонимый голубь мальчишка — тоже какой-то такти: подбросит скважу и небо — и молча следит за тем, как уходит гнида в голубовато-белесую зноющую высь...

Туго на улице Стерняна.

А еще тише в покоем на минаторный замок доме: в нем помещается Черновский тубдиспансер, и тишина возведена здесь в ритуал.

В этой войне, несомненно проигранной, выживает технарь работающий в комсомольцев: один врач, четыре патронажных сестры, лаборантка, санитарка и шеф Штефан Димитру — единственный парень на всю переработанную организацию.

Есть большие, состояние которых процентов на восемьдесят зависит от них самих, от их требовательности к себе, от их внутренней дисциплины. Чтобы поставить на ноги такого больного, мало быть только врачом, нужно быть еще и воспитателем.

Восемнадцатилетнюю девочку положили на стационарное лечение. Строгий режим... Но сплитник напугивают ей, что болен ее неопытченка и что в жизни раз бывает восемнадцатилетняя. Девочка срывается с нервов и бежит на танцы... И тогда врачу Агнессе Бутакоской приходится терпеливо объяснять, как один человек способен сидеть на нет измотанной усталости врачей. Но сигнала белого халата, Агнесса становится педагогом, внимательным, душещипающим.

Это принято называть профессиональной зрелостью. И если уж вспоминать о ней, то говорить надо не только об Агнессе Бутакоской, но и о четырех патронажных сестрах, о лаборантке, о санитарке и о шефе Штефане Димитру — единственном старшем в этой переработанной организации. Это он на свои деньги привел в боковой вид зрелого патронажный «Заповедей» исключительно для того, чтобы людям легче было работать.

Но разговор о профессиональной зрелости — это всегда только половина разговора, потому что человеческая зрелость — понятие емкое, и зрелость профессиональная входит в него всего лишь в составную часть.

Хорошо, что у Тамары Галата великодушный подход к больным. Хорошо, что Женя Гуменик энергична и всю себя отдает работе. Хорошо, что добросердечно трудится Сона Криватная и Валентина Раушенберг. Хорошо, что врач Агнесса Бутакоская — очень тонкий психолог во всем, что касается ее работы. Но это с восьми до четырех. Ведь нельзя быть комсомольцем семь часов в день, с перерывом на обед.

— Каким вы комсомолец? Мы уже бабушки! — сказала Сона Криватная.

Приближаться то же самое сказала мне накануне Агнесса:

— Мы уже устали комсомольцами... Можно было бы принять это как музыку. Вещно помыслится и забыть. Но чем дольше длится наш разговор, тем меньше в нем шутки, тем больше грустных вздохов и печальной озаренности. Даже молчаливая Аня Горина вмешивается в нестройный ряд бесед.

— Семья — это, знаете... Муж, ребенок, обед, уборка квартиры... Все требует времени, все очень непереносит.

Перед мной сидят молодые женщины и пытаются доказать мне, что с выходом замуж прекращается всякая работа в комсомоле.

А дальше — квартира, маленькая каша, мука... И когда вы уходите от маленькой кухни и встаете в длинный девичий ряд, начинается разлаживание на части с комскими взглядами.

— Скажите, о чем вы говорили на последнем собрании?

— Утверждали или работали?

— Да, но вы сами говорите, что работы никакой нет! И мнею в виду комсомольскую работу.

План утверждали... И на предпоследнем собрании утверждали... в феврале — тоже... Женя Гуменик пытается собрать подруг, вытаскивает их куда-нибудь на лондо приемы. Для просто в парк, в кино, на концерт. И не может. Каждый улетает у нас сам по себе, — со вздохом говорит она.

Аня Макowej, самая молодая в организации, смотрит на своих старших товарищей и нави-

С ВОСЬМИ ДО ЧЕТЫРЕХ? РЯДОМ ИДЕТ БИТВА СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ ГДЕ КОНЧАЕТСЯ АРИФМЕТИКА

вает, наверное, подумывать, что в комсомоле иначе и не бывает, что в комсомоле только и делают, что платят взносы да утверждают планы.

— Конечно, скучно мы живем, непереносно.

Я слушаю их доводы, и они меня не убеждают. Ведь это тот самый человек не редкий случай, когда люди незаметно для себя впадают с небольшим перекутом опущения своей молодости. И комсомол уже для них существует только по инерции: взносы и раз в месяц — собрание.

— Есть такой не слишком великий термин: «обращение бытом». Кое-что воспринимает это самое «обращение» с чисто внешней стороны: вот человек купил шпал, потом приобрел ковер величественный с стенописью корт, потом обвешался кофтой совершенно неуживчивой вязкой. Но дело еще не в этом. У меня видного явления есть: еще невидимая и наиболее существенная черта: «обращение бытом» — это не обязательно изменение чисто материального характера, но, как правило, моральное, оно обязательно продолжается в душе, и порой проблема изготовления майки такой начинат называется изгойством пробной современности.

И уже не хочется в кино, и уже не хочется читать, и если и хочется, то обязательно что-нибудь полегче, и где уж там говорить о комсомольских собраниях, о молодежных вечерах, об общественных поручениях!

— Каким вы комсомолец? Мы уже бабушки...

— Я понимаю, как это здорово, когда женщина — хозяйка в доме. Не домашняя хозяйка, а именно хозяйка в доме. Я понимаю, как это великолепно, когда женщина — мать. И я понимаю, как это все трудно...

Но нельзя быть хозяйкой дома, замкнувшись в четырех его стенах. Нельзя быть матерью, если интерес твой дальше этих стен не идет. Это будет большой дом, и это будут бедные дети, даже если в доме будет стоять чудесная мебель, а у каждого ребенка — персональная машина.

Смерть личной несостоятельности на индивидуальной секрет. Да и секрет тут, пожалуй, нет никакого. Есть только люди, и есть их отношение к жизни, яростное или снисходительное, бесполое или равнодушие.

Тамара Галата сказала так:

— Не понравился мне фильм «Коммунист». Очень уж он идейный какой-то... Идеальный фильм, скучно смотреть.

— Да человека могут посмотреть фильм, и одному он понравится, а другому не понравится. Но тут речь идет не просто о «нравится» или

«не нравится». Тут отчетливо проступает причина этого «не нравится»: «Очень уж идейный».

— А что такое «очень идейный»?

— А что вы думаете об абстракционизме?

И тогда я начинаю задавать вопросы. Я задаю их в доб: — А как вы относитесь к Егущенко? — А читали ли вы Агнесова? — А что вы думаете об абстракционизме? И снова молчание. И недоумение. Какое отношение имеет к ним то, что народ, партия, комсомол дал бой и очень серьезный бой тем, кто ушел в сторону от большой жизненной правды, от самой жизни? Тамара не писатель, Аня не художник, Женя не композитор... Вот когда будет речь о медицине, тогда они, может быть, и заинтересуются. А пока хорошо бы, чтоб писали Таранульва и Шпегельс. С ними как-то все проще...

Так почему же Тамаре не понравился фильм «Коммунист»? И почему такая боязнь слова «идейный»? Пугают сверхчеловеческие усилия Василия Губанова, когда он один вытаскивает огромное дерево для паровой топки и все-таки привозит людям хлеб? Или его сверхчеловеческая стойкость, когда он перед лицом смерти не отрывается от высокого аянца коммуниста? Или, может быть, по-человечески трудная любовь Василия?

Идея, известно, не для всех удобна. Они борются в микромир, ограничив словом «идейный». Пугают сверхчеловеческие усилия Василия Губанова, когда он один вытаскивает огромное дерево для паровой топки и все-таки привозит людям хлеб? Или его сверхчеловеческая стойкость, когда он перед лицом смерти не отрывается от высокого аянца коммуниста? Или, может быть, по-человечески трудная любовь Василия?

Идея, известно, не для всех удобна. Они борются в микромир, ограничив словом «идейный». Пугают сверхчеловеческие усилия Василия Губанова, когда он один вытаскивает огромное дерево для паровой топки и все-таки привозит людям хлеб? Или его сверхчеловеческая стойкость, когда он перед лицом смерти не отрывается от высокого аянца коммуниста? Или, может быть, по-человечески трудная любовь Василия?

Работает Аня Макowej — ну и чудесно! А то, что Аня трудо каждый день едуть на села в город на работу и в вечерней школе не все у нее ладится, это уже никого не касается: это после работы.

Работает Штефан Димитру — ну и отлично! А что у парня жизнь сложилась круто, что не могли он и частично приходит на работу с «форвардом» — это тоже никого не касается: «форвард» — это после четырех.

Работает Женя Гуменик — ну и ладно! А что

у нее не получалась личная жизнь, что человек мучается и переживает, — это ничего не изменило — пережить — это после четвертого.

В творчестве такой термин: «публичное искусство». И каждый преподаватель на занятиях, в рабочих этюдах пытается выработать в своих учениках это необходимое для себя качество — восприятие каждого дня как творческой проблемы. Нужны талант и большое творческое напряжение, чтобы хоть на время стать совершенно одиноким в присутствии других, потому что ситуация эта противостоит человеческому существу. И сейчас бы ни убедил меня комсомолец маленькой черновицкой организации, что жизнь, которой они живут, — это норма, я все равно ни на секунду. Публичное комсомольское одиночество не только протестознательно. Оно неустойчиво.

В Черновицком горкоме комсомола, когда я рассказывал о своем знакомстве с комсомольской организацией лечебницы, девушка-инструктор задала:

— Так они же вообще бессмысленны. Лекция не посещают, на вечера наши не ходят. Да и вообще, они не могут — восемь человек? Кто кому?

Конечно, из восьми человек массового субкультура не выжмешь и количество собранного металлолома тоже не козырьши, и, если на антирелигиозной лекции ориентировочно должно присутствовать 500 человек, то в комсомольской от молодежной организации вышеназванной лечебницы тоже прок небольшой. В общем, с точки зрения «галочки», представленной в соответствующей графе, комсомольская организация в составе человек горкому совершенно даже ни к чему.

Так возникает проблема маленькой комсомольской организации. Проблема далеко не возросшая, потому что хоть я и не очень раздвинутый и специализированный комсомолец, и мне, конечно, трудно установить, сколько упущено возможностей сделать научное открытие в условиях лечебного заведения на улице Степана, но я точно знаю, что так же, как и в комсомольской организации, в общественной жизни, там неизбежно меркнет творческий огоньек его рабочих будней. А человек всегда должен идти. Трудно ли, легко ли, но идти он должен. И если человек идет — комсомолец, то спрос с него обязательно двойной. На философия маленьких дел, не способные на грани радиолюбителя, а борьба. Комсомолец должен быть борцом. Независимо от того, сколько денег начисляется на карточку в ВЛКСМ, в которой состоит он на учете. Потому что, как подчеркивал третий пленум ЦК ВЛКСМ, именно здесь, в комсомольской ячейке, формируются характер, взгляды и убеждения молодой и девушки, именно здесь должна идти борьба на коммунистическую закалку молодого поколения.

Однажды я приехал в зеленый городок на Днестре. И первые два дня для своего пребывания — это веселое городишко и носители обычного журналистского занятию: стучался в двери учреждений, выискивая пропуски в проходных, ходил по домам и кабинетам, «выкалывался» с чиновниками, давал интервью.

В комсомольских комитетах, как правило, очень ревниво относятся к подобному рода экскурсам, и как-то вечером секретарь горкома сказал мне:

— Ступай, чего ты бродишь по городу, зачем распыляешься? Съезди бы на мелковской комбинат, там почти тысяча комсомольцев, выbral бы себе, что надо. Пять человек — это пять человек. А на тысячу можно съездить. Их можно подвести на большое дело. С ними можно развернуться... Он хитро улыбнулся, достал из шафа учебник и прочитал мне фразу, трагическую момент перехода количества в качество.

И только я, что секретарь горкома в основном только и «разворачивается» за счет комбина. Знал я и другое: Беложура девушка, комсомольский секретарь горгорга, со сведениями на улицах жилающаяся мать, что комсомольская организация находится вне поля зрения горкома и она, хоть убей, не знает, что делать, и вообще ждет не дождется отчетно-выборного собрания. Может, и не знает, что такое отчетно-выборное собрание секретаря горкома. Напомним, что переход количества в качество — процесс, который далеко не исчерпывается простым арифметическим суммированием: нельзя

же всеюми полагать, что двести комсомольцев — это еще количество, а двести один комсомольцев — это уже качество.

Качество начинается задолго до десятков, не говоря уже о сотнях и тысячах. Оно, если строго придерживаться фактов, начинается с единицы — с единицы, который только что получил комсомольский билет и вышел на улицу в новом человеческом качестве — комсомольцем, вышел с осущением того, что отличие между спросом с него и спросом со всего комсомола можно смело ставить знак равенства. Спроситесь, что с широкими массами работать интереснее. Но интерес этот носит чисто масштабный характер. Если можно возроспеть в лаборатории, она качественно ничем не будет отличаться от лаборатории, которая во время грозы польеба. Но лабораторная машина — незаметная молния, и к тому же ее лучше воспроизводить лично. А молния в польеба далеко видна, и хотя и ее воспроизводство ты не можешь сделать, при удобном случае можно сказать:

— Вот у нас какие молнии! Конечно, с большой организацией проще. Не только, в принципе, тут можно и поручиться, но вообще, это дело не только мое, и каждый из них на виду, и к каждому нужно подойти с учетом его индивидуальных особенностей, все сразу усложняется. А надо думать о каждом, потому что с количеством в комсомольской организации, которая комсомольская организация, потому что результаты комсомольской работы оцениваются не количеством проведенных мероприятий, а качеством воспитания молодежи. Поэтому, потому что стримы мы новое общество. Не для кого-то. Не когда-то. А сегодня, сейчас. Для тебя, для меня, для всех.

И не думаю, что в больнице № 5 гор. Горького, где работают все комсомольцы, как и в черновицкой лечебнице, меньше желания или выходят замуж. И повседневных работ у них не меньше. И часов в сутках — всего двадцать четыре и ли минутот больше, и тут не меньше, а здесь проводятся интересные научные исследования, заканчиваются кандидатские диссертации. Дело, по-видимому, в том, какой коности общественной заряд несет в себе каждый комсомолец, какой коности несет комсомолец, который борется за коммунистическую идеологию. Вот где нужно искать объяснение тому, что горьковские «прожектористы» Института гигиены труда взяли под контроль оформление и своевременную отработку документов в поликлинике, эту работу взяли комсомольцы. И потому, что добрые результаты дает трудовое комсомольцев-медиков города над трудозоопитательными подростками, что активно работают санитарки, воспитательница «советов медиков» при районном комсомоле. Общественная активность — во всем; и в незаметной, но очень важной деятельности санитарных комсомольских постов при торговых точках гор. Горького, и в подготовке ко «Дню здоровья».

Мощный общественный заряд зовет и делам, и в работе тут формируются, проверяются и складываются новые формы содружества комсомольцев «микрорганizations». Так возрос совет секретаря комсомольской организации лечебницы научно-исследовательских медицинских институтов, больницы и лечебниц, который и провел те мероприятия, о которых я упоминал.

Сейчас уже трудно сказать, кому зарекомму пришла в голову эта мысль — скрепить малочисленные организации советом секретарей. Но я знаю, что это был очень заинтересованный человек или очень заинтересованные люди, которые сейчас не безразличны для меня. Комсомольцы.

Заинтересованные люди не только в Горьком! Они и в Старовополье, в Белоурские, в Подольское. И здесь горочная заинтересованность растет и девушки приходят, как и в Горьком, к/себя, давая совет секретарей.

Совет секретарей — действенная форма работы, но, конечно, не единственная. Дело не в формальной организации. Формы приходят и рождаются. Но только в тех случаях, когда люди идут.

Проблема маленькой комсомольской организации — проблема далеко не черновицкая. Маленькая комсомольская организация — это наш комсомольский резерв. Поэтому еще зачастую стоит на аванпосте.

г. Черновиц,
Украинская ССР.

Владимир СУСЛОВ

ПЕРВЫЙ

Разгаряженный,
По реьясам рыжким,
Там, где насыль еще свежа,
Паровоз, асо славуку вагона,
Замыкавшись, а тябу вылезал.

И дымком воскипших потуча,
И бойбардаи он себя:— Крути!
Вести сюжет с крутых обочи
Потнувшись к го труду.

Поздравая, пакеты хлапая,
Ветер, гомос сорвал, осил.
И от раздвоя почки лопались
У праведнотных осил.

СПАСИБО, СТАРШИНА

Былао, сидет на забор луна,
Мы строеым рублем по прогулу.
И с нами неизменно старшина
Выходит на вечернюю прогулку.

Подкатит строй и твердо:
— Запасай!

Он знае устави, потому был краток.
И гомоса у взводных запасае
Самаласе звероку, как рудачи а распадае.

И ты во всю непоколебимо ширь,
Во весь размах синопного неба
Методом выходящи от дули,
Каким бы в жизни безомосного ни был.

Чего греха таить, я а детства был,
Как горювач, немужаливым парнем,
Методом выходящи от дули,
И даже бед один а лустой казарме.

Да и сейчас а минуту типным
От зловых паров не выйду не деться...
Теперь пою по твоей просьбе страду,
Как раньше — по приказу старшины.

Виталий БЕРЕЗИНСКИЙ

МУЗУЧИЛИЩЕ

Все прохожие деловиты,
Но прислушиваются на ходу:
В музучилище
Окна раскрыты,
Муку творчества на виду.
Необычно все обдумают
В том порядке своем сызном —
Силам юные
Душу проубют,
А потом гомос...

Потом!
Сначала трудится дом звуащии!
Невидимка аудит в трубу,
В углу хаос,
Буаду в шаге
Лишь намеки есть на тропу.
Муку творчества,
Не ложные
На другие...
От дома прочь
Чуть поменяди,
Иаду прохаживе
И не могут
Ничем помочь.

Перевел с украинского
Олег АММИТРЕВ.

О том о сем, есть ли жизнь на других планетах.
 — Ну и как — есть?
 — Ну это неизвестно, — повторил со смехом памятную фразу из фильма «Карнавальная ночь». — Тебе что, не нравится?
 — А этот ваш член общества точно знает? — настаивал Андрей.
 — Точно знает, — услышал в ответ неуверенно.
 — Точно! Какие вы здесь радостные собрались...

А нем позме два помалоч очень завидны ленинградца был по тревонны рамини телефонныи эвоисани. Юношескии голоом трубаа выливаю и настоячииво просила удалитя десятя минут для чревычайно важного разговора.

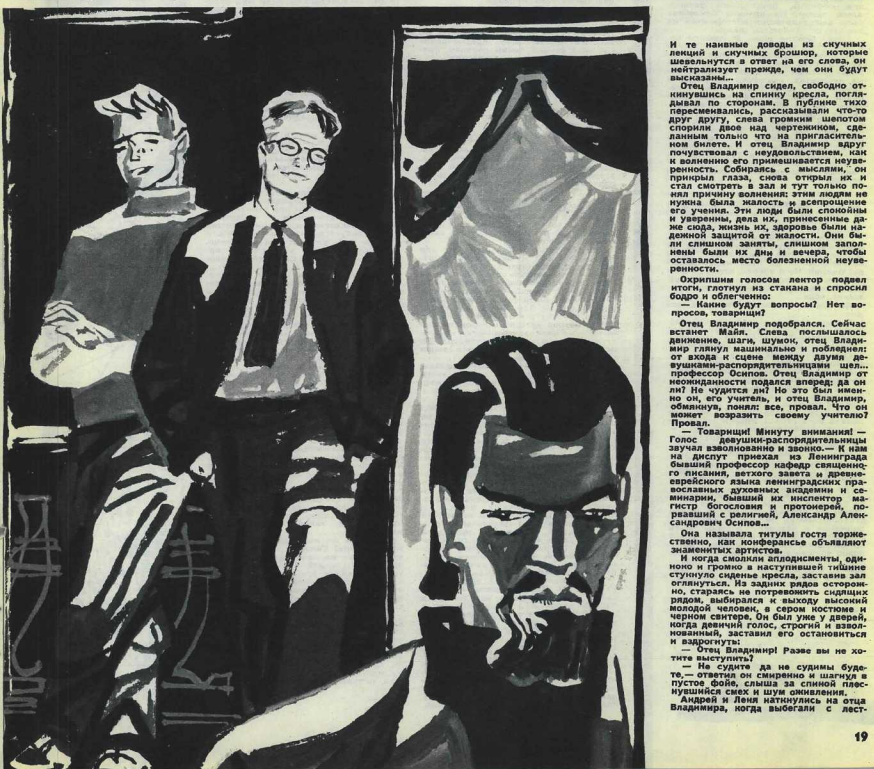
Попытки выяснить суть дела тут же по телефону, в обоих случаях не увенчались успехом. В конце концов оба вынуждены были уступить. Доктор медицинских наук, известный профессор одного из крупных научно-исследовательских институтов назначил свидание с настоящим незнакомцем на три часа дня в своем кабинете. Второй собеседник юноши, тоже профессор, только бывший, попросил точно, минута в минуту, приехать и одиннадцати к нему из квартиры. В обоих случаях юноша был предельно точен. В обоих случаях разговор длился много больше десяти минут, и в обоих случаях собеседник юноши, а в конце концов дали свое согласие. Хотя для этого, обоим профессорам, действительно и вышеуказанному, пришлось видеть значительные изменения.

Отец Владимир вышел из дому задолго до появления седьмого, медленно шел по темным заснеженным улицам, слушав по привычке руки в карманах расстегнутого пальто, шуршав от фар встречных машин. Потом невольно ускорил шаг — нетерпение росло в нем: близился час боя. Он постоял у входа в клуб перед объявлением о диспуте, пробежал глазами программу, Шепетом взглянул на двух парней, с которыми столкнулся кай-то у дома Майи Свиридовой, и подумал, что сегодня им суждено проиграть. Раздавшись, вошел в шумный зал. Перед ним переговоровались, перемещались, хлопала сиденьями иресиа та самая аудитория, которая сегодня, притихнув от изумления, будет слушать его проповедь, поначалу протесты, затем соглашась невольной. И что знает,

словно собравшись здесь потом придет в волососую жалкую шершуву без ироники и праздного любопытства заглянуть в утробу пруду к нему, отцу Владимиру. Чувствуя благодарность к Майе за дилунную выслушав его повествование, хотел ее вперед, среди подруг, — серьезную, тихую, покусавшую его подолку губы.

Диспут начался ленивой, поверхностной и скучной. Нескольких минут репутата и девушки слушали внимательнее, но когда поднялся вопрос о грубошумный шумок, пошел гулать по залу, перемещаясь, чтобы побудить по грифону. «У меня так не будет», — подал голос один из парней, кто-то словно прирешился и сейчас нет, он не стеснялся, покусавшую его подолку краю ширеи, и зат згитнул...

ИКСОВЫЕ

И те наивные доклады из скучных лекций и скучных брошюр, которые шевелянутся в ответ на его слова, он нестрахует пренебр, чем они будут высказаны...

Отец Владимир сидел, свободно откинувшись на спинку иресла, поглядывая по сторонам. В глубине тихо перемещались, рассаживались, кто-то друг другу, слева громкий шепоток спорили даве над черточником, сделанным только что на пригласительном билете. И отец Владимир ядрог почувствовал, с неуловимостью, как и волнению его примешиваются неуверенность. Собираясь с мыслями, он прикрыл глаза, снова открыл их и стал смотреть в зал и тут только понял причину колебания: эти люди на нем была жалость и асперсрение его учении. Эти люди были спокойны и уверенны, дела их, принесенные им деле своба, жизнь их, зарплата была надеждой защитой от жалости. Они были слишком знакомы, слишком знакомыми были их дни и вечера, чтобы оставалась место болезненной неуверенности.

Окрикнув голосом лектор подал итогов, глотнул из стакана и спросил бойро и облегченно.

— Какие будут вопросы? Нет вопросы, товарищи?

Отец Владимир подобрался. Сейчас встанет Майя. Слева послышалось движение, шаг, шумок, отец Владимир глянул мажимально и поблещнул: от входа и сцена между двумя девушками-распорядительницами, профессор Осипов. Отец Владимир от неопределенности подал вперед: да он не он, его учителя, и отец Владимир, обманув, пошел в провал, что может возратить своему учителю? Прид...

— Товарищи! Минуту внимания! — Голос девушки-распорядительницы звучал звонко и ясно. — И нам на диспут приехал из Ленинграда бывший профессор кафедр свещеносого писания, ветхого завета и древнееврейского языка ленинградских православных духовных академии и семинарии, бывший их инспектор — магистр богословия, протоиерей, покровитель с религиозией, Александр Александрович Осипов.

Она назвала титулы гостя термистенно, как конференции объявляют знаменитых артистов.

И когда смолкли аплодисменты, одиноко и громко в наступившей тишине стукнуло сиденье иресла, заставив зал оглунуться. Из задних рядов острогом, стараясь не потревожить сидящих рядом, выбирался и выходил высокий молодой человек, в сером костюме и черном свитере. Он был тих и деловит, когда девичий голос, строгий и звонкозванный, заставил его остановиться и вздрогнуть:

— Отец Владимир! Разве вы не хотите выступить?

— Не судите да не судины будете, — ответил он смиренно и шагнув в пустое фойе, слыша за спиной плеснувшую себя из шуми омрачения. Андрей и Лена изступились на отца Владимира, когда выбежали с лест-

Ни один адвокат западной демократии не упустит случая сослаться на пресловутый принцип «равных возможностей». Помолчите, и на все все равны, классовые различия давно стерлись — заявляют они, приводя в пример хотя бы право на образование. — У нас же есть более бесплатные школы!

Действительно, в Англии, например, есть бесплатные школы, находящиеся в ведении местных властей.

Есть так, однако, и платные школы.

Носит ли различие между этими школами классовый характер?

Послушаем самих английских учителей. Вот два кратчайших признания, появившиеся недавно в английской печати.

ДВА ПРИЗНАНИЯ:

ЭКЗАМЕНЫ? ФАРСИ!

Майк ИРВИНГ

ОБРАЗОВАНИЕ? ФАРСИ!

Робин ГОРДОН

Система образования Англии нуждается в коренной переделке. Она, как и всякая другая система обучения, представляет собой полный хаос. Такое вывод, сделанный мной за время службы в Совете Лондонского графства (СЛГ), где я проработал учителем во всех без исключения типах лондонских школ.

Более 35 процентов детей Лондона могли бы с одинаковым успехом вообще не ходить в школу. Образование, которое им дают,—нишней фарс.

Проработав 15 лет преподавателем математики и физики в частных школах, я подписал контракт с СЛГ в качестве дежурного учителя. Это означало, что меня посылали преподавать в различные школы на короткий срок.

В бытность восторге, когда мое первое назначение привело меня к гигантскому новому зданию школы, считающейся в СЛГ образцовой. Я спросил директора, какой уровень знаний можно ожидать от учащихся. Он подал меня к окну и указывал на окружающие школу трущобы.

— Вот уровень, — сказала он с удивлением. — И не обращайте внимания на несколько выносок зданий, построенных недавно в районе. Они не делают погоды. Эти дети навеки остаются детьми трущоб.

Директора местных школ, продолжал он, считают, что они выписали свой долг, если им удается предохранить мальчиков от тюрьмы, а девочек от беременности до 15 лет.

После этого грустного сообщения я уже не удивился, когда он так серьезно велел мне посвятить свой первый урок бинго¹.

— По расписанию положен урок математики, — сказал он мне. — Учителя, которого вы замещаете — один из лучших в моем. Но он ничего не мог поделать с ними. Бинго — единственная вещь, заставляющая их сидеть на месте.

Когда директор уже вел меня в класс, бинго бинг уже в разгаре, и он сказал мне тихо:

— Все в порядке, мистер Гордон, не мешайте мне.

Я увидел, что сорок с лишним мальчишек не обращают на меня ни малейшего внимания.

В одном углу свражались в карты. Возглазил картежником, слышнее

сказок непревзойденные броматонские номера бинго, были вполне профессиональны.

Все эти школьники фактически развили или дали своим знаниям, который мог бы пригодиться им в жизни, — ложность рук. Они знали, чем их знания оценены самой низкой отметкой. И никакое усердие уже не изменит этого обстоятельства. Все пути к успеху в послешкольной жизни были для них закрыты.

Я почувствовал себя беспомощным. Воспитания Кембриджа, с 15 годами учительства за плечами, я не мог найти выхода из данной ситуации.

— Все же я могу попытаться научить их чему-нибудь! — спросил я директора.

— Что ж, попытайтесь, — ответил он и вышел из класса. Как только я возвысил голос, стукая кулаком по столу и потребовал внимания, в классе произошло восстановление. В одном углу разгорелся драматизм. Я кинулся туда, но был отброшен.

Скоро весь класс превратился в шумную свалку дерущихся парней. Сидевшийся клубок тел вывалился в коридор. Я был абсолютно не в состоянии развить их. Скоро они разделились на две группы и продолжили бой на спортплощадке. Когда появился директор, они все уже были на улице.

Шесть месяцев работы дежурным учителем убавили меня, что этот первый урок не был исключением. Продавая уроки бинго во множестве различных школ, я больше не вию ни детей, ни педагогов. Я знаю теперь, что всякую вышнюю саму систему образования, рассматривающая социальный отбор как краеугольный камень. Бинго, карты, драки, полные игнорирования уроков и такое же полное презрение к учителям — вот черты этой системы.

И так будет продолжаться до тех пор, пока мы не признаем, что образование необходимо любому человеку, независимо от того, предназначено ему место «наверху» или нет.

Кадр из нового английского фильма «Без удильца», живописающего кравы, играющие в так называемой «общей» школе.

В магазине учебных пособий. Самый ходкий товар — розги.

В Англии насчитывается более 4 тысяч частных школ. Из них не более половины официально признаны министерством просвещения в качестве школ, имеющих право самостоятельно аттестовать своих учащихся. В остальных частных школах оканчивающие сдают экзамены по заданиям, присылаемым министерством. При этом, естественно, имеется в виду, что школьная администрация распекает пакеты с заданиями лишь в день экзаменов. Такого дежильманского соглашения.

Как же поступают дежильманты? Старший преподаватель математики Патрик Джеймс Макманус, долгое время работавший в прославленной частной подготовительной школе, сделал кратчайшее признание. Он заявил, что многие учащиеся частных школ готовятся к экзаменам, имея на руках вопросы и задания, которые будут им даны на сессии.

Когда бедный мальчишка Джонни ломает голову, пытаясь решить экзаменационную задачу, другие мальчишки детинши — бедняки мальчишки богатые детинши уже знают ответ.

Макманус признался мне, что он натаскавал своих учеников по экзаменационным заданиям и к тому же преврал их решения перед отправкой в комиссию.

Для того, чтобы избежать излишних разведов, школьникам разрешается сдавать конкурсные экзамены в своих школах, в том числе и в частных. Это разрешение оставляет широкую лазейку для детей богатых родителей.

Все, что должен сделать нечестный учитель, — это разорвать конверт и показать его содержимое своим подопечным. Этим и занимался мистер Макманус в подготовительной школе для мальчиков в Сассексе. Он рас-

сказал об одном из своих учеников, получившем немаленький балл по математике после того, как узнал содержание задач. Тот поступал в торговое мореходное училище и после «кряхтя» по математическую химию мог лишь спастись только немаленькая оценка. И он получил ее благодаря Макманусу.

«Я получил пакет с заданиями за неделю до экзаменов и натаскивал его все это время после обычных уроков. Если бы не я, ему не вытиснуть и на трикура».

Другой ученик Макмануса сделал один и тот же экзамен с одним и тем же вопросом дважды за два дня. Хотя он знал все вопросы заранее, первый заход оказался неудачным. Зато, отбоя второй раз, он удостоился особой награды за успехи.

Макманус сообщил также, что он и директор школы завывали отчетни директору, и тот не смог отпираться фактом. «Мы делили это, когда считали, что вопросы, присланные для экзаменов, чересчур трудны и не отвечают знаниям школьника».

Директор не отрицал и того факта, что он разрешает учителям проглядывать письменные ответы экзаменуемых перед отправкой в комиссию. «Это естественное любопытство», — сказал он. — Мы же интересуемся своими учениками.

В реальном проспекте школы, написанном директором, сказано: «Школа занимается подготовкой мальчиков в возрасте от пяти до четырнадцати лет. В последние годы выпускники школы получили многочисленные награды и были исключительно удачливы на вступительных экзаменах».

Ничего удивительного в этом нет. А наказуемого!

Георгий МАРТЫНОВ

Рисунок А. БАБАНОВСКОГО

ГИАНЗЯ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение. Начало см. «Смена» №№ 11—17.

10

Еще час взведоходы шли в том же направлении. По-прежнему не попадалось ни одного места, удобного для расположения невдалекой базы. И хотя никто и не рассчитывал на столь быстрый успех, невольно появилось чувство разочарования.

Часы показывали ровно двенадцать, когда Стоун остановил свою машину.

— Дальше искать бесполезно, — сказал он.

— А местность как раз становится все более подходящей, — отозвался Синицын из второй машины.

— Да, но мы должны верить Гианзе. Смотрите назад! — прибавил Стоун, — вы хотели видеть Землю? Посмотрите назад!

В той стороне, где находилась станция, низко над вершинами почти наполовину опустившегося за горизонт горного хребта висел в небе ярко сверкающий полумесяц. В сравнении с привычным полумесяцем Луны на небе Земли он выглядел огромным. Баровое кольцо атмосферы, освещенной Солнцем сзади, позволяло отчетливо различать темную, ночную, половину земного шара. Диск Солнца висел недалеко, немного выше.

Луна, звезды и Солнце одновременно!

— Спросите у нее, — сказал Стоун, — надо ли нам искать дальше?

Гианза удивилась, услышав вопрос.

— Почему вы спрашиваете об этом у меня? — ответила она. — Вы сами должны знать, что делать и как поступать.

— Мы спрашиваем вас потому, — объяснил Муратов, — что основываемся на ваших словах, вернее, на словах Гианзы. Он, кажется, говорил, что база расположена в таком месте, откуда никогда не видно Земли.

— Почему «кажется»?

— Не обращайте внимания. Это просто неудачная фраза. Он говорил так!

— Да. И все же я не понимаю, почему вы спрашиваете у меня, — упрямо повторила Гианза.

Муратов почувствовал, что логична на ее стороне.

— Мы хотим, чтобы вы вспомнили точнее, — сказал он, — это для нас крайне важно.

— Я ничего не могу прибавить к тому, что уже сказала.

Стоуну передали содержание разговора.

— Если мы будем искать дальше, — сказал он, — то нет никаких оснований не искать и во всех других местах, как мы это делали раньше. Мне кажется, что следует принять слова Гианзы как истину и основываться только на них. Каково мнение остальных?

Все согласились со Стоуном.

— Тогда, — размирился он, — поворачиваем обратно. Будем опять с прежней внимательностью осматривать все, что попадается на пути, чтобы у нас была полная уверенность: в этой стороне базы нет.

Но еще до решения Стоуна Муратов уже знал, что поиски на сегодня закончены. Гианза сказала ему, что устала и нигде не поедет.

— Это — очень скучное занятие, — сказала она. — Я сожалела, что прилетела сюда.

— Но завтра вы поедете?

— Конечно. И завтра и в следующие дни. Надо быть последовательным, — повторила она поблужившей ей слово. — Я давно так не уставала, — прибавила она, помолчав, — хоть ничего и не делала.

— Безделье утомляет иногда больше, чем работа, — сказал Муратов. — Идите в бассейн. Купание вас освежит.

— Идите вместе, — неожиданно предложила Гианза.

Муратов смутился.

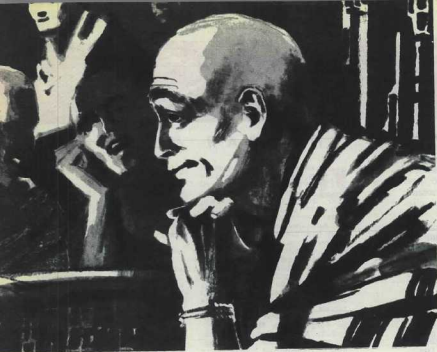
— Это не совсем удобно, — сказал он.

— Но почему? — Гианза казалась искренне удивленной. — Я не могу понять этого. Марина говорила, что у вас не принято совместное купание мужчин и женщин. Но я сама видела, как на море купаются вместе. И когда я надеваю купальный костюм, Марина разрешает мне плавать в бассейне при всех. В чем тут дело? Объясните мне, Виктор! Я очень хочу понять вас.

В который раз за последние дни Муратов чувствовал, что стоит на пороге одной из загадок, связанных с Гианзой. Эта была незначительная по сравнению с другими, но все же загадка. И поскольку Гианза спрашивала сама, была надежда разрешить ее.

— Он собрался с мыслями, чтобы различить ей земную точку зрения.

— Это объясняется многими причинами, Гианза, — сказал он. — Я думаю, что основная в том, что люди привыкли закрывать свое тело одеж-

дой. Веками выработывалась точка зрения, что ходить обнаженными нельзя. Укоренившаяся в сознании обман — большая сила. Теперь, — прибавил он, — вам понятней На море купаются в купальных костюмах. Это все же одежда. И обмань соблюден.

— Он думал, что вполне удовлетворительно разрешил ее недоумение. — Вы мне ничего не объяснили, — сказала Гианза неожиданно для него. — Но, кажется, я сама догадалась, в чем тут дело. По-вашему, купальный костюм закрывает тело и его не видно. Так?

И внезапно Муратов все понял сам. Ему вопрос открыл ему истину. Вот оно что! Он забыл о тепловом излучении всех живых тел, излучения, которое Гизань и люди ее планеты воспринимают как свет, который они видят.

В их мире одежда служила только для защиты от холода и пыли. Люди всегда видели друг друга, независимо от одежды.

После ужина Муратов снова сидел в комнате Гианзы и беседовал с ней. Она сама попросила его прийти.

Виктор не чувствовал больше никакого смущения в ее присутствии. Простая логика говорила, что Гианза смотрит на все иными глазами, чем люди Земли.

Он успев уже рассказать всем о своем очередном открытии, и новость никого не удивляла.

— Так и должно быть, — сказал Токарев, — Тепловое инфракрасное излучение проходит сквозь ткани, и Гианза, конечно, видит то, что скрыто от наших глаз. Но видит иначе, чем при присутствии покровов. Было бы очень интересно, если бы Гианза нарисовала в красках человека так, как она его видит.

— Да, но у нас нет красок для передачи инфракрасного цвета, — сказал Ступин. — Вполне возможно, что он воспринимается Гианзей не таким, каким мы видим его на инфракрасном экране.

В беседе Муратов попытается высунуть этот вопрос.

— Право, не знаю, как вам объяснить, — ответила Гианза. — Этот цвет смешивается с другими, и его трудно выделить. Потому я и рисую только карандашом. У вас нет нужных красок. Именно это и натолкнуло меня на мысль, что вы видите не так, как мы. А объяснить как выглядит цвет, которого вы никогда не видели, невозможно.

— Значит, — сказал Муратов, — вы сразу определяете температуру тела, с одного взгляда?

— У нас нет слова «температура», и мы ее никогда не измеряем. Зачем? — это так и видят.

«Вот почему она оттолкнула термометр Янсеня», — подумал Муратов.

— Скажите, а когда вы подлетели к Гармусу, вы видели, что астероид обитает?

— Да, небесные тела таких размеров холодны. Мы заметили, что от искусственного сооружения — мы тогда не знали, что это танка, — исходит свет двух видов. Искусственный, холодный, и живой, теплый. Мы поняли, что там есть живые существа, конечно, люди.

— С вашей стороны, — сказал Муратов, обрадованный подвинувшейся возможностью высунуть еще что-нибудь, — было все же рисковано высамаривать из корабля без защиты воздуха.

— Это была ошибка. Но мы очень нерационалы.

— Зачем вы покинули корабль? — в упор спросил Муратов.

Гианза долго молчала, словно обдумывая, что ответить.

— Не сердитесь, — сказала она наконец. — Но я же хотелось бы ответить вам на этот вопрос.

Муратов был глубоко разочарован, но ничем не показал этого.

— Тогда, конечно, не надо, — сказал он. — Я спросил случайно.

— Зачем вы говорите неправду? — мягко сказала Гианза, дотрагиваясь до его руки. — Вы очень хотите это узнать и спросили на случайно. Но поверьте, Виктор, вы это узнаете. Но не сейчас. Я не могу.

Она произнесла еще много с таким очевидным отчаянием, что Муратов снова замял ее.

— Не думайте об этом, Гианза, — сказал он. — Вас никто ни к чему не принуждает. Постарайте, как находитесь нужным. Конечно, вы правы, и нам очень интересно много узнать у вас. Скажите, когда захотите. И простите меня за нескрываемое любопытство.

— Слова он увидел слезы в ее глазах.

— Вы очень хорошие люди, — тихо сказала Гианза. — И я вечно буду любить вас.

На следующее утро те же четыре взаводоха с тем же экипажем вышли из гарана. Уверенность в успехе сильно возросла. Муратову удалось накануне первыми беседе на Рианго. И Гианза вспомнила подробности слышенного ею на борту звездолета разговора. Из этих подробностей вытекло, что база может находиться только внутри кратера Тихо, у подножия горного хребта, с северной стороны.

Муратов не пытался, и Гианза не проявляла инициативы говорить о самом Рианге как о человеке, и речь шла только о его высказываниях.

А личность Рианги очень интересовала эземлян. Этот человек, которого никто уже никогда не увидит, сыграл огромную роль в событиях, связанных с Гианзей и спутниками-разведчиками. Его воля изменила весь ход этих событий.

— Нарисуйте его портрет, — попросил Муратов. — Мы хотим видеть черты его лица.

— Лично вам, — с улыбкой ответила Гианза, — для этого достаточно посмотреть на зеркала.

Муратов много понял в эту минуту...

Поисковая экспедиция второго дня началась почти с уверенностью, что будет успех.

На успели отъехать и пятнадцать километров от станции, как Гианза резко наклонилась вперед, протянула руку и сказала:

— Вот то, что вы ищете!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Здание стояло на вершине холма. Соразмерилось с его подножьем. Он был так велик, что даже из окон верхних этажей, с высоты двухсот метров, не было видно окрест. Со всех сторон таинство до горизонта и исчезали за ним бесконечные квадраты разноцветных крыш.

Здание, стоявшее на холме, было видно отовсюду, с любого места в городе. Оно было совсем не похоже на другое.

Больше всего оно напоминало памятник, выстроенный как будто из одного стекла двух оттенков голубого цвета. Более темные, синеватые, полосы составляли каркас, более светлые, казавшиеся кое-где почти белыми, — проемы окон. И в другие было располнены материалом, и все здание в целом словно вымывалось в небо.

А над куполом крыши, хорошо видная отовсюду, «парил» в воздухе гигантская белая статуя.

Женщина в коротком платье с развевающимися волосами, с занюханной навадой правой протянула руку к небу. Ее облик выражал страстный призыв, направленный к кому-то, находящемуся за синей завесой неба, в безднах Вселенной.

Здание было очень велико, но снизу, из города, казалось небольшим и узким, точно скрученная в спираль лина.

Люди Земли сказали бы, что оно похоже на штопор.

Город был одной из древних, насчитывавших тысячи лет своей истории столиц этой планеты.

В этот день в нижнем этаже здания, в огромном зале, залитом лучами белого стоявшего оранжевого «солнца», происходило большое собрание.

Вокруг огромного стола, стоявшего посреди зала, сидело больше ста человек мужчин и женщин.

Их одежда была очень похожа. Женщины носили платья, мужчины — короткие туники.

Все были в белом, кроме одного.

Различной густоты зеленый оттенок их кожи, кося посаженные глаза, приподняты у переносицы, высокий рост как мужчин, так и женщин, все было бы знакомо человеку Земли, и он безошибочно угадал бы в этих людях соотечественников Гианзы.

А если бы здесь могла оказаться Марина Муратова, то она узнала бы и язык, на котором говорили все эти люди.

Но, узнав, поняла бы, что этот язык не совсем тот, на котором говорит Гианза, это ни чем-то отличается, хотя в основе и тот же.

И человек, отличающийся от других своей одеждой, также, видимо, затрудняясь в понимании этого языка и иногда переспрашивал.

Тогда поднимался один из мужчин и повторял сказанное, но уже на точно таком же языке, на котором говорила Гианза.

На высоком стуле, возвышавшемся над остальными, сидел совсем еще молодой человек с узкими, словно прищуренными глазами, одетый так же, как и все остальные.

Он, не мигая, пристально смотрел на стоявшего напротив него и не одетого человека, того, кто не всегда понимал, что ему говорили, и который сам говорил на языке Гианзы.

Этот человек имел все отличительные черты соплеменников Гианзы, но был немного ниже остальных. Зеленый оттенок его кожи был мало заметен, скрытый сильным загаром. На нем было не туника, а что-то вроде широкого плаща, сверкающего в оранжевых солнечных лучах червоточным золотом. Его голова не была обрита, и черные волосы, отливающие изумрудом, спускались ниже плеч.

Молодой человек с узкими глазами, очевидно, предостереждалась на этом собрании.

Его неотступный взгляд смущал человека в золотом плаще, он часто не выдерживал и отводил глаза, но каждый раз, точно притягиваемый магнитом, снова поворачивался к нему.

В эти мгновения все видели, как в темных глазах человека в плаще вспыхивала искра не то вздоха, не то тупо злобно скривленного страха.

И каждый раз, заметив эту искру, молодой предостереждал улыбаться.

В его улыбке было презрение, смешанная, гнев, но не было ненависти. Казалось, что именно это отсутствие ненависти больше всего смущало человека в плаще.

Он встал перед столом, видимо, так было нужно, потому что возле него не было стула. Стоял уже долго, а во время как остальные сидели.

Третья Спартакиада народов СССР. Долого будут вспоминать ее специалисты и любители спорта. Еще был в ходе спартакиады 12000 фехтовальщиков, десятки тысяч зрителей, причем 70 тысяч человек сделали это впервые. На Спартакиаде родилось 15,5 тысяч рекордов коллективов физкультуры и свыше 700 рекордных достижений республик. Но и это не все. Финал Спартакиады был отмечен шестью рекордами мира, девятью рекордами Европы и 35 рекордами Советского Союза!

Особо хочется отметить тот факт, что Спартакиада выявила массу талантливых спортивной молодежи. Спортсмены на Спартакиаде были не только, и спортивно это очень приятно. Они говорят о том, что советская молодежь смело штурмует спортивные высоты.

ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН

Все, наверное, никогда не видели гребца, финиширующего по греблю. А между тем такой случай произошел на Спартакиаде.

...Это был один из полуфинальных заездов на каное-двойке. Стая маринский день. Хиннинское водохранилище, до сих пор споможно, вдруг заволокло, подул сильный ветер. Борданы глады, понарались седмачи Бугучечина, Каноз — и так едшиной вертняк, все время корочекая перевертывалась лодка. А тут такое волнение! И все же гонка шла в хорошем темпе. Только три первых лодки попадали в финал. Хорошо гребли молодые наемцы из Узбекистана Ю. Канев и В. Романов. Они отлично зарекомендовали себя в предварительных заездах и горели желанием пробиться в финал.

...Вот позади половина дистанции. Зрители дружно подбавива-

ют амеров. Среди них и Канев с Романовым. Когда же финиша оставалось 50 метров, они перешли с третьего места на второе. И тут, уличенные борбой, гребцы потеряли бдительность. Один изловил греблю! Его отозвалось достаточно. Лодка угрожающе качнулась и свернула в сторону. Потерявший равновесие Виктор свалился в воду. Юрий сумел удержаться. Он вынырнул лодку и не долго думая, заработал веслом. Так он и перешел линию финиша.

Что же, третья место тоже далеко право выступать в финале, если бы... Случись это несчастье на последнем десятке метров, главный спортсмен имел бы право пересечь линию финиша дважды. Но, как вы уже заметили, все произошло чуть раньше. Обычно было молодцы гребцами, и что подкашешь, закон есть закон.

ПЕРВАЯ МЕДАЛЬ

Давно те, кто знал толк в теннисе, в лучшем случае рукой на эту доску светловолосую девушку. Было известно, что она беспробитно проигрывает опытной москвичке Анисимовой. Да что можно сделать при счете 4:0? Оплаты мало, а и те нередко в таком случае складывают оружие. Чего же ждать от юной естонки Марии Кузнец, у которой так мало турнирного опыта? И только тренер сборной команды Эстонии Вернер Анисимов, Снова

шли успехи и к Марии. В 1962 году она стала мастеров спорта. Любопытно, что тогда Мария взяла верх над собой первой учительницей — Вильде Тамме. Было немного неудобно. Тамм, видимо, познания, уступила.

...Все хорошо. Мария, это же спорт! И вот Мария на Спартакиаде. Только что она слава вынесены на аттестат зрелища. А теперь отдалено выступила в соревнованиях 4:0 в первой партии. Вернер Анисимов, Снова познать, снова борды. Тренер эстонской команды внимательно следил за Марией. Губы сматы, все как-то потугались, это хорошо, значит, будет играть. И вот Мария берет одну сетку; вторую, третью. Мария срывает

да счет и выиграла — 8:6. Следующую партию Мария тоже взяла вверх. Вилков тоже завоеван... Мария довольна своими результатами. В ее победы над известными мастеров спорта, первая медаль за парные соревнования. Первая и ее жизни медаль. Первая и до нее уверены, что ее послед-

дам рослая, играла она мощно и красиво. Марии во многом помогла известная теннисистка В. Тамм. Она поставила ей удар слева, который обычно бывает у взрослых молодых спортсменов. научила двигаться по площадке, правильно подходить и мачу. Давно известно, что настоящий труд рано или поздно вознаграждает. Три

рвать победу на последних метрах партии. Позиция для этого у него была самая выгодная. Но имать так и пришла вторым: слишком велик был запас скорости у его молодого конкурента. И третий заезд не принес радости Бодниевску. Мария выиграла партию. Нервы у него оказались крепче. И не удивительно, что эригел подынал грузинского спортсмена вместе с воедисменом на руки и стал качать. Такой чести удостоивается не каждый!

К ПОБЕДЕ ВЕДЕТ МУЖЕСТВО

Кто из любителей спорта не знает Василия Кузнецова, Леонида Барберова и Григория Проконенко. Первый — рекордсмен мира и чемпион Европы в десятиборье, два других — чемпионы Европы по плаванию.

Тяжел пришлось аватару Василию Кузнецову. К последнему виду десятиборья он, казалось, играл все. Болельщики легкой атлетики знали мужественный характер Кузнецова. Они вспоминали такой случай. Как-то во время матча СССР — США Кузнецову для победы нужно было пробежать 1500 метров за 4 минуты 46 секунд. Никогда прежде не показывал он такого результата. Но раз нужно, то нужно! И когда закончил бе Кузнецов, секундомер показал ровно 4 мин. 46 сек. Это был личный рекорд Василия! Теперь же необходимо было значительно побить и этот рекорд. Чтобы стать чемпионом Спартакиады, Кузнецов должен был пробежать дистанцию быстрее — за 4 минуты 40 секунд. Мыслимо ли такое! Ведь и

САМОРОДОК

Вселоспортом спорта было немало самородков, чья ли не с перек стартов становившиеся чемпионами. Но, как правило, это были последние. На треке таких взлетов почти не бывает. Любим самородок, прежде чем засверкать на треке в полную силу, долгие время «собрывается» самыми лучшими специалистами. И только после этого из него выходит высококачественный мастер высшего класса — победителю криту с крутыми, как степь, враждами.

Но и тут бывает исключение! Летом прошлого года в кругах любителей велосипедного спорта зазвучала фамилия гру-

зинского юноши Омари Пхакадзе. Говорили, что этот «амальгам» (ему тогда не было семнадцати лет) — форменный герой. Рост — 186 сантиметром. Вес — 88 килограмм. «У парня феноменальный рост», — гордо заявляла олимпиада. Летней весной в Симферополе молодой колдун выиграл заезд у самого Омари Бодниевса, нашего спринтера «8» 1х. Правда, в последующих двух заездах зрители не толькой, не краской едны на тактическом мастерством. Этух качеств у него пока не было. Заезды его были похожи на вздох, сметаются все на своем пути. Юноша смело бросался в борьбу с любым соперником и выкладывал всю силу своих мускулич мышц даже тогда, когда другие опережая ошеломляющих соперников...

...И вот финал Спартакиады. Омари проиграл первый заезд Бодниевску. Но он не испугался имениного спринтера, а сделал приемный выход, равно начал финишировать — вот и проиграл. Это был физический матч, заткнувшийся до половины. Во втором заезде юноша, которому в этот день исполнилось 19 лет, все время косил глазом налево, смеясь за готовившимся к броску соперником. Так Пхакадзе достиг до 200-метровой отметки и тут сам резко бросился вперед. Стадия ахлу. Увидеть на месте не мог ни один из зрителей. Бодниевск кланья вперился в эрущего вперед грузина, расслыгивая вы-

МАГЯ

— Это пошлою на суд. И действительно, это был суд. Судили не этого человека, а других, к числу которых и принадлежал и которых не было сейчас в этом зале. Судили не людей, а дело, которое хотели совершить люди.

— Итак,— сказал председатель, по-прежнему пристально глядя в лицо сподручному,— ты все рассказал нам, Лиагаз, ничего не утаивая? — Да, все. Больше мне ничего прибавить. И я готов принять смерть.

— Мы это видим.— Молодой председатель жестом указал на одежду Лиагаз.— Но ты потопорисни. Три дня ты на родине. Неужели ты не заметишь, что находишься в ином мире? Неужели,— продолжал председатель,— ты не помнишь, Лиагаз, Мы не убьем тебя, как сделали бы это вы на нашем месте. Давно уже погасли и исцедили из памяти людей ваши жесты. Ты будешь жить среди нас.

— Значит, вы не отпустите меня обратно?

— Нет. Ты останешься здесь навсегда. Космос не место для таких, как ты. Туда надо отправляться с чистыми мыслями и незапятнанными руками. Тебе придется трудиться, Лиагаз. Вероятно, в первый раз в жизни,— одно величайшее превращение прибавил он.— И от тебя самого будет зависеть, чтобы люди забыли, кто ты и каков. Верно, дело пыталось бы осуществиться.

— Пыталось! — По губам Лиагаз впервые за это утро скользнула улыбка.

— Ты хочешь сказать, что все дело уже сделано? Ты снова ошибаешься, Лиагаз. Ты забыл, что за время твоего отсутствия на нашей планете сменились десять поколений. Они жили не зря. С нашей точки зрения, ваши корабли космоса—неуколенные люди. Мы будем на этой планете,— как ты ее назвал? — Да.

— Мы будем на Лиа очень скоро. И зло не осуществится. А если мы опоздаем,— глаза исподлобья председателя свернулись,— вы ответите за это. Это означает, что вы сожжете меня не сейчас, а немного позже, вот и все.

— Ты сказал, ты будешь жить. Мы не меняем своих решений и не лжем, как вы.

Лиагаз опустил голову.

— Я сказал вам только правду.

— Мы это знаем.

— Откуда вы можете это знать?

— Откуда? — Председатель указал на сидевшего рядом с ним пожилого человека.— Специально для тебя мы пригласили медика, так как хорошо знали, с кем имеем дело. Ты отстал от науки, Лиагаз, и это не удивительно. Твое счастье, что ты вообще избежал наказания.

— А если бы это оказалось не так? — с вызовом спросил Лиагаз.

— Тогда нам пришлось бы заставить тебя говорить правду.

— Пыткой? Этим меня не испугаешь.

Председатель несколько минут сидел молча, видимо, пораженный этикой словцом. Потом он обвел взглядом всех сидевших за столом. Почти все смеялись.

— Видишь? — спросил он.— Это наш отец, Лиагаз. Трудно тебе будет у нас. Ты перабитый зверь. И так будет смотреть на тебя еще, пока ты не изменишь своих взглядов. Советую тебе сделать это как можно скорей.

Мы поняли, что ты сказал, но большинство людей на планете совсем не поняли бы. Ты в другом мире, Лиагаз, почти это.

— А что вы сделаете с нами, если не опоздаем? — вместо ответа спросил Лиагаз.

— Мы вернем вас всех обратно. И если улетавшие когда-то и их дети, родившиеся в это время,— все будут жить на родине. И трудится. Привилегированное положение твоей касты придется забыть, Лиагаз.

Глаза Лиагаз беснулись ненавистью.

Председатель стараясь рассмеяться.

— Если бы я жил во времена вашего ответа,— сказал он,— вероятно, не стал бы и говорить со мной. Времена изменились. И вы сами знаете, что они должны измениться. Зачем иначе было вам улетать на поиски других планет?

— Мы сделали это для того, чтобы спасти будущие поколения,— гордо ответил Лиагаз.

— Лжет или говорит не то, что думает,— сказал тот, кто был медиком.

— Видишь, Лиагаз. Стоило тебе уклониться от правды, и ты сразу обнаружился. Я скажу за тебя правду. Вы улетели для того, чтобы создать свою касту в предвидении неизбежной распылки. Вы знали, что дни вашего господства над планетой сочтены. И вы решили перекочеваться на другую планету, где вы снова могли стать господями, могли жить за счет других. Колонизация—дело дилетантов.

Лиагаз поднял голову.

— Вы— с ним,— сказал он,— вы, благородные и правдивые, не терпите зла, что делаете вы? Обнаруже население планеты на голый? Вы знаете, что на планете нет места для увеличивающегося населения, и отказываете руку помощи, которую мы протягиваем вам. Если бы ты был прав, Лиагаз, так, как ты, так же озау, зачем мне было возвращаться сюда?

— Невосприимчивость.

— Знаю.— Председатель нахмурился улыбка.— И все это зря. Нет, Лиагаз,— сказал он.— Ты вернулся не потому, Тебя послали за людьми. Вы нашли дилетанта. Она требует много труда. И это вам не по вкусу. Тогда вы отправлялись на поиски другой. Вы нашли Лиа. Там ее готово, есть города, дороги, заводы. Вам это больше понравилось. Но население

Лиа уже не дико, и оно вам не подчинится. Тогда вы решили уничтожить население планеты. Решение, вполне соответствующее вашему моральному облику. Но что вы еще думаете, там одна? Вам чужие люди. И ты прилетел только для того, чтобы обмануть нас, увлечь за собой тысячи людей, которым предстояло бы работать на вас. Но вы прорасчитали, Лиагаз. Ценой милой не хотим спасения от перенаселения нашей планеты.

Лиагаз молчал. Его лицо пылало, но глаза как-то сразу потускнели. Потом он поднял голову и сказал без ненависти, уставшим тоном:

— Вы хорошо использовали время. Мне жаль, что мы не придавали значения словам Риагаз.

— Лиагаз— удивленно сказал председатель.— Я помню это имя. Оно было командиром нашей экспедиции и вашим сообщником.

— Времена меняются,— ироническим тоном повторил Лиагаз слова самого себя.— Что еще вы хотите от меня?

— Ничего. Ты свободен, Лиагаз.

— Тогда я сам задам тебе одно только вопрос. Почему ты сказал, что вы не нуждаетесь в спасении? Или население планеты стало уменьшаться под вашим управлением?

— Нет, оно увеличивается, и быстрее, чем это было в свое время, под вашим управлением,— ответил Лиагаз.— Но я тебе уже сказал, что десять поколений, прошедших без нас авшей касты, проносили не зря. Ты знаешь, Лиагаз, как тщательно хранили вы секреты авшей касты, в том числе и технику космических полетов. Вы все узнали с собой. И были уверены, что «жившие существа» никогда не откроют эти секреты. Немного времени понадобилось, чтобы немного преодолеть вашу технику. Чужими руками строили вы свои корабли? Эти руки остались на планете. А разум вы считали своей привилегией. Самая большая ваша ошибка, Лиагаз! Отвечая на твой вопрос Проблема перенаселения, которая вас инколько не интересовала, хотя вы знали, что она должна возникнуть в скором времени, заставила наших предков предпринять то, что ты хотел поставить в засаду у нас. Мы сами отправились в космос, случайно в другую сторону, чем вы. Ведь мы не знали, куда вы направилась. И мы наши братьев по разуму, которые поняли нас и предложили нам свою помощь. Теперь уже близко время массовой иммиграции на новую родину, подготовленную совместными усилиями двух планет.

— Значит, вы все-таки собираетесь заселить чужую планету?

— Неоспоривая. Я вижу по выражению твоего лица, что ты не видишь здесь опасности. По-прежнему, живые существа, населяющие Лиа, не заслуживают ни жалости, ни сожаления, если затронут интересы так называемых «высших» существ, как ты. Но, с нашей точки зрения, низшее существо — это ты сам и твои сообщники. И я не верю твоим словам, что обитатели Лиа дилетанты. Твои рассказы об этой планете опровергают это утверждение. Пройдет немного дней— и наш корабль улетит туда. Я знаю, что мы встретим там братьев.

Долго путь по дорогам Вселенной.

А если экипаж корабля страдает тревога и нетерпение, он кажется еще длиннее.

Иногда могли провести полтора часа пути во сне. Они жили в обычном режиме дня, половину бодрствовали, половину спали, и ничем было заполнить пустоту времени.

Их было четверо.

Идея влезла их вперед, к дальней цели. Ради идеи жертвовали они собой. У них не было надежды вернуться обратно. Они улетали с родной планеты навсегда. Вернуться они не могли потому, что не знали, как управлять кораблем, как найти путь в безграничной пустоте.

Корабль велся автоматом.

Умные, осторожные, чужие, они вели корабль по намеченной трассе, проложенной не теми, кто был на борту сейчас, а другими. Тем, кто построил корабль, умел управлять им, знал, как находить дорогу в космосе.

Никого из таких людей не было на борту заводителя.

Они были люди недалекие. Они знали больше своих теперешних хозяев и с равнодушием относились к ним.

Корабль летел по точно рассчитанному курсу. Что бы ни случилось, какие бы препятствия ни возникли на пути, «командир» корабля в доли секунды примет решение и избежит любой опасности.

Четверо человека, составлявшие экипаж корабля, хорошо это знали. И они боялись даже подойти к двери отсека управления. Дверь была плотно закрыта, и желтой краской на ней был нарисован косяк крафт. Для того, чтобы никто не мог случайно проникнуть в запретную зону.

В этом замкнутом пространстве командирский мозг был единственной надеждой на успех, единственной гарантией достижения цели, единственным шансом на жизнь.

Четверо не были уверены, что посадка произойдет так же благополучно, как велел. Они не знали, умел ли командир опускаться корабль на планету. Они только надеялись на это.

И они часто бросали взгляды на большой, герметически закрытый ящик, окрашенный в ярко-желтый цвет, стоявший на середине центрального помещения исполнительного корабля.

В этом помещении четверо проводили все время, только изредка покидая его. Здесь они жили, питались, спали и беседовали, хотя это помещение и не было жилищем.

Но они жаловались друг к другу, стремились всегда быть вместе, помогали друг другу преодолевать невзгоды странной среды окружающей их со всех сторон бесконечным простором Вселенной.

Каюты корабля, предназначенные для членов экипажа, все были одинаковыми, рассчитанными на одного человека.

У каждого комфорта эти каюты не привлекали новых хозяев. Все было им чуждо, непривычно и глубоко неизвестно.

Они наблюдали каждый прыжок на корабле и самый корабль. Все, кроме желтого ящика. Это было единственное, что принадлежало не прежним хозяевам, а им самим, было сделано ими, заключало в себе известную им цель.

Желтый ящик — это были «они сами». Потому что если им не суждено будет жизнью достигнуть цели, содержимое ящика сделает все за них. В любом случае задача должна быть выполнена.

Ящик был тяжел, массивен и очень крепок. Если корабль разобьется, он уцелеет.

Это было главное.

И за долгие годы пути они привыкли смотреть на ящик как на плато члена экипажа. И называли его ласково, человеческим именем — «Григор».

На корабле было все. Были различные растительности, пригласили к прогулкам. Уютные салоны, игральные и спортивные залы, бассейны для купания, читальни и зрелищные установки звали к развлечению и отдыху. Астрономические пункты, кабинеты и лаборатории представляли все удобства для научной работы. И волею неволею матросы находились голубом помещенном в коридоры залы бассейном, сейчас пустым.

Четверо пользовались только аллеями. Им необходимо было физическое движение. И они бегали по аллеям каждый «день», в определенное время.

И от всего остального они не distraгировались.

Но они охотно воспользовались бы голубыми помещениями и стоящими в них бассейнами. Время полета было пыткой. Но бассейны были пусты. А если и были бы заполнены, то все равно не могли бы ничем помочь. Четверо не знали, как вызвать выносимое и как из него выйти. Эта техника была им совершенно неизвестна.

Четверо были первыми людьми своего народа, проникшими в космос. И они ничего не знали ничего не умели делать в космосе. Ненависть вела их и руководила их поступками.

Ненависть — любовь.

Бывшие хозяева корабля — это были те, кого они ненавидели. Свобода и жизнь — это было то, что они любили.

Но существовало еще и третье — неведомые люди неведомой планеты. Им отужали те, кого ненавидели четверо. И четверо спешили на помощь неведомым людям и невольно, но зная их, любили, как братьев, попавших в такую же беду, как они сами.

Но главным была для четверых все-таки не любовь, а ненависть. Их родина была теплая свобода и могла жить, как жила прежде, до появления «ненавистных».

Сорок три врага избежали справедливой кары. Ими было не достигнуть и уничтожить.

Если они вернутся и узнают, что произошло в их отсутствие, они отомстят за смерть и соборатам.

Сорок три не должны были вернуться. Четверых не смущало, что их всего четверо. Будь их в десять, а сто раз больше, они все равно не смогли бы справиться с могучими пришельцами. Им нравились силы, им нравились силы, еще неизвестные и недоступные народу, к которому принадлежали четверо.

И они надевались только на помощь тех, к кому спешили на помощь сами.

Сосем недавно на родной планете четверым никто не думал о существовании иных планет, иных человечества. Ничего не задумывалось еще о таинных мирозданиях. Они были дети природы, добрые и доверчивые. Их техника была примитивна, знания ограниченны, жизнь проста.

Природа планеты была богата и разнообразна. Она щедро давала своим детям все, в чем они нуждались. Люди не испытывали ни голода, ни жажды, ни холода. Не было зистичных животных, не от кого было защищаться. И почти полное отсутствие борьбы за существование послужило им плохую службу. Из разума отсутств. И никто из них не помнил другой форм жизни, других условий.

Они не знали, есть ли на планете другие люди, кроме их. Время исследования планеты еще не наступило. Огромный остров, на котором с незапамятных времен жила несколько десятков тысяч людей их народа, со всех сторон был окружен океаном.

Поколение — поколение — немечется а колбыли природы. Разум дремал, и ему нужен был внешний толчок, чтобы пробудиться.

Таими толчками явились пришельцы.

Три поколения прошли под игом.

«Невнимательность» к своему населению с холодной жестокостью. Они заставляли выстрадать для себя целый город. Тех, кто противился, уничтожали.

Они были сильны знаниям и техникой. Их было мало, и они управляли страной.

Чтобы сохранить жизнь, надо было приспособиться. Появилась борьба за существование.

И все же за три поколения обитатели острова неузнаваемо изменились. Они многое поняли и многое узнали. Их развитие сделало резкий скачок.

Пришельцы не отбирався, учить покоренных. Но они нуждались в их труде и вынуждены были немного ознакомиться их со своей наукой и техникой.

С глубоким презрением относились к жителям острова, пришельцы недооценили природную остроуму учт, сообразительность и способности своих рабов.

И попятлялись за это.

Никто не знал, откуда явились пришельцы, что им надо здесь, какую цель они преследуют.

Их трудными были уничтожить сразу. Но жители острова радужно встретили неведомых существа, совсем не похожие на них самих, когда восемь гигантских кораблей опустились на остров. А потом было уже поздно. понадобилось много времени, чтобы научиться настолько, что стало возможным обратиться технику пришельцев против них самих.

«Невнимательность» к своему населению первое поколение, оказавшись в их власти. Так же называли их и нынешнее, четвертое поколение островитян.

Три поколения сошло в молчу. А пришельцы были все те же. Знали, они властвовали. Ни один из них не умел за время пребывания на острове. Наоборот, их число увеличивалось: рождались дети.

Но пришельцы не были бесстыдными. В этом убедились островитяне, когда долго накапливаясь зная вылился в восстание и все, кроме сорока трех улетевших, были поголовно уничтожены.

Сорок три ускользнули случайно. Они покинули планету, ничего не зная о готовящихся восстаниях.

Одни из пришельцев улетел еще раньше.

Из восьми кораблей на острове оставались шесть.

Пришельцы очень берегли свои корабли и заблудились о них. Собирались ли они все улететь с планеты? Этого никто не знал. Островитяне даже поточали надежду на избавление.

Четверо летели в неведомую даль.

Но они знали, с какой целью улетели сорок три, которых они хотели настигнуть.

«Невнимательность» мало было одной планеты, они готовились покорить всю систему. Островитяне считали свои остров всякой планетой.

Среди пришельцев были разные люди. Некоторые из них хорошо относились к местному населению, «синиходин» до разговора, отвечали на вопросы.

Был один из пришельцев, которого островитяне даже любили, но он улетел вместе с сорока тремя.

Его звали Риагза.

Если бы он остался, его поощрили бы.

Он часто говорил с людьми и многое открыл им.

С какой целью? Они не знали. Четверо были убеждены, что неизвестная им планета подобна их собственной, что обитатели этой планеты окажутся под игом «ненавистных».

Их надо было поощрять и радовать их о гротажней их участи.

Четверо могли это сделать.

Давно, еще при жизни второго поколения, три корабля пришельцев покинули остров и потом вернулись. Вернулись с тем же экипажем.

Среди них был один, которого звали Дех. У него была дочь по имени Гианза.

Отцы привез из экспедиции novità, никогда ранее никем не слышанный язык.

Пришельцы заставляли островитян не только работать на своих стройках, но обслуживать себя. В каждом доме были слуги из местного населения.

В доме Дех таким слугой работал Мергио, молодой человек с прекрасной памятью, один из тех четверых, кто летел сейчас к неведомой цели. Но теперь он был уже не молод.

Дех любил свою дочь новому языку. В его доме этот язык слышался чаще, чем язык «ненавистных», на котором говорили все.

Зачем это было нужно, Мергио не знал, но он невольно сам выучил этот язык.

Дех называл его «экспансия». И Мергио вскоре узнал, что это язык той планеты, куда летели Дех и его спутник.

А когда выросшая Гианза улетела в числе сорока трех, Мергио понял, зачем обучали ее чужому языку. Она должна была говорить с местным населением.

Он видел, что Гианза не хотела улететь с острова. Она плакала, но пришельцы были жестоки не только к покоренным островитянам, но и друг к другу. Даже отец к дочери.

Их раз пришлось Мергио и другим слугам Дех испытать на себе жестокость хозяев. За маленькую провинность их избивали, а трою заплатили даже жизнью за ничтожную вину. Их сожгли живыми.

Тех погибла сестра Мергио. И он остро ненавидел пришельцев и все, что было с ними связано.

Мергио первым узнал об отделе «ненавистных» к другой планете.

Лететь должны были два корабля. Но потом почему-то улетел только один.

Второй остался, полностью подготовленным. Видимо, он должен был стартовать несколько позднее.

Но не успел. Произошло восстание.

«Невнимательность» ничего не делали сами. И в подготовке обоих кораблей они привлекали рабов. Сами развитые и образованные.

Техника была им, конечно, неизвестна и непонятна. Куда улетел корабль, они не знали. Но им было известно, что экипажи будут в пути спать, а управлять кораблем предстоит загадочному механизму, который «ненавистные» называли «могз навигации».

Этот могз сам доведет корабль до цели.

Оба корабля готовились одновременно и одновременно.

А когда один улетел, а второй остался, него было покончено с пришельцами, возник план воспользоваться этим кораблем.

У долго угнетаемого народа развилось чувство солидарности. Они хотели помочь другим избавиться собственной участи.

И хорошо понимали, что нельзя оставить в живых сорок три «ненавистных».

Вернее, сорок два, так как ни у кого не подылась бы рука на Риагзю. Как пустить в ход механизмы корабля, они знали. Но больше не знали ничего. И даже не думали о безумии своего плана.

Четверо улетели.

Мергио должен был рассказать все тем, неведомым. И помочь трем своим спутникам говорить и понимать ответы тех людей.

Он уже сейчас хотел бы говорить «по-экспансия». Ведь если удастся живыми достигнуть цели, четверым все жизнь придется провести на чужой планете. Кто мог указать им дорогу обратно?

Только Риагза.

Но захочет ли он это сделать? Они не знали, как подействует на него знание, об уничтожении всех его соотечественников.

Четверо были готовы никогда не вернуться на родину.

— Я снова встречаю там с Гианзой! — говорил Мергио. — Она не ждет такой встречи. И я сам, своими руками, убью ее.

Она ведь оставалась еще лететь!

Они этого не знали.

Продолжение следует в № 21.

В ГОСТЯХ ВЕЩАКА

ЭКСКУРСИЯ «СМЕНЫ»

Карпы — производители. Прямо
лечь золотые медали на жабры
осетей.

Вот это есть сельхозки.

У кого как, а у нас, когда заходит разговор о прудовой и озёрной рыбе, слоник тмнут. Уверены, мы не исключение. Но эта рыба на наших столах, и следовательно, редкость. А между тем ее могло быть довольно. Озар, прудов да и возможностей для сооружения искусственных водоемов в нашей стране столько, сколько нет нигде. Одно слово — цинки!

С таями душой мы направились по Всесоюзный научно-исследовательский институт прудового рыбного хозяйства. Со слов не говоримся: в Москве в плохом здании самого института увидеть нам ничего не удалось. Неизогнанные научные сотрудники, которые решили здесь мажорное хозяйственное дело или узнавали лабораторное оборудование, объяснили нам, что их институт переехал в район Дингитров, в Ягод, где создали много опытных прудов, построенные лабораторный корпус, прекрасные жилые дома, словом, имеются все условия для плодотворной работы.

Однако тут же нам сообщили, что хотя поездка в Ягод и интересна, но еще интереснее отправиться по Шугру на одну из опытных баз института. Там, можно сказать, уже решена весьма важная проблема — заселение ценными промысловыми породами рыб выработанных торфяных карьеров.

На десяти километрах вонур Шугры раскинулись торфяные болота. Те,

что поближе к первой в нашей стране торфяной электростанции, давно превратились в живописные озера. Торф здесь выбран, и карьеры затоплены водой с новых торфоразработок. А новые — это высушенные, ровные и мягкие поля торфа, по которым медленно ползает наше-то странное машины — то ли фантастические марсианские корабли, то ли нежданной конструкции танки. Машини брезуют поля — снимают верхний, подсушенный слой торфа. Продаёт некоторые время, и эти поля превращается в пруды.

Считалось прежде, что для разведения рыбы торфяные карьеры не годятся; кислая, болотистая почва, где выживает лишь малочисленная рыба.

Там думали прежде. Но вот что мы увидели, с трудом добравшись по торфяным проселкам до базы института. Брошенные карьеры на лесной опушке превращены в чистые ряды прудов. Один из них спустился, и рыболов, ступая по дну в длинных разноцветных сапогах, вылавливал сачками огромных карпов-производителей. Эти карпы, по четыре-пять килограммов весом, выросли именно здесь, в «непроточных» водах. Красивых и аппетитных рыб выносили на берег, осматривали, измеряли, взвешивали. И несмотря на то, что рыб было много, научные сотрудники знали каждого карпа, что называется, по имени-отчеству.

Старший научный сотрудник Елена Николаевна Хайрулина, которая вместе с кандидатом биологических наук Анной Григорьевной Мицц работает на прудах, раскрыла нам «секреты» успеха.

— Надо создать благоприятную для обитания рыб среду. Прежде чем затопить пруд водой, мы кокетствуем его — поливаем дно известью. Но это еще не все. Рыба должна питаться естественными кормами. Чтобы развивалась естественная кормовая база — водоросли, рачки, дафнии, циклопы, зоопланктон, — необходим удобрение. Торф сам по себе умеет хорошее удобрение. К тому же здесь его столько угодно. Вот мы и разрабатываем для прудов торфо-аммиачные удобрения, которые значительно дешевле других.

Мы идем вдоль прудов опытной базы. Вешне они мало чем отличаются от обычных. Их можно спустить, в систему, соединенных маленькими «нерестовыми прудами», «выростные», где растут и крепнут мальки, «зимовалящие», в которых рыба зимует, и «нагульные», где карпы нагуливают вес, отделяются перед тем, как попасть на стол. Такие пруды и в обычных условиях построены, но так уж сложилось, а здесь, на бывших торфоразработках, их сооружение обходится в два-три раза дешевле.

Но не надо думать, что все так просто, — посыпал

известью торфяное болото и разводи вместо «корной-плотвички зернового карпа». Первые опыты давали всего 50–100 килограммов рыбы с гектара. Теперь «урожаи» вырос до семи — десяти центнеров.

Собственно, научная работа по выискиванию возможностей разведения карпов на торфяных выработках закончена, доказано, что они все же бросовые земли, а ценный, до сих пор не использованный резерв производства рыбы. Поэтому предполагается в ближайшие время расширить хозяйство базы и превратить его в показательное опытно-производственное хозяйство. Пусть сюда приезжают, смотрят, учатся. Ученым подсчитали, что, если в ближайшие годы в РСФСР будет освоена хотя бы треть всех торфяных выработок, мы получим больше 500 тысяч центнеров карпа в год.

Представьте себе, что это — приумудил способ, идею, ускоряющий рост, слияние, теление, осман или помоя. Такое предположение покажется несурзачным, по крайней мере в наше время. А вот вырастить вдвое быстрее рыбу, оказывается, можно.

Если вы видите большого карпа, килограммов на четыре-пять, знайте — он неводный, ему преррию вдвое больше лет, чем он весит. Если карпы и в два-три раза меньше, то уж совсем старички. Выращивать такую крупную рыбу слишком дорого — финчина

выданы не стоит. Куда дешевле обходится рыбина весом в килограмм. Выращивают их всего за два лета. Причем к концу первого лета рыба весит лишь около 30 граммов. Их так и называют — сеюлетки (сего лета). И лишь на второй лето они приобретают нормальные полукилограммовые размеры.

Доктора биологических наук Абрама Ильича Ирихиновича, руководителя лаборатории рыбоводства в торфяных карьерах, мы встретили на берегу маленького пруда, где его сотрудники устраивали нерестилище. Сам же Абрам Ильич был занят странной, на наш взгляд, делом: он впрыскивал под чешую рыбе канючую карту эта операция, естественно, не нравилась, и он морщился вылезая из рук аспиранта Андрея Ширяева, который держал его довольно хлестко силой ловкости и нежности. — Карп был очень дорогой и выбрали его из целого стада производителей, можно сказать, по конкурсу.

— Если бы он знал, какую честь ему оказывают, он не стал бы так сопротивляться. — шутил Абрам Ильич.

— А что вы ему впрыскиваете?

— Препарат, который ускоряет нерест, — ответил ученый. — Многотысячное потомство самки и таких двух самцов должно успеть за одно лето вырасти до размеров «товарного» карпа.

Абрам Ильич рассказал, что такие опыты он уже ставил в Молдавии. Там они дали хорошие результаты. Теперь ученый паренс опыты в среднюю полосу — в Подмосковье, в Белгородскую и Оренбургскую области. Суть опытов, помимо всего прочего, сводится к тому, что на каждый гектар пруда выпускают меньше мальков, чем обычно, и таким образом создают более благоприятные условия для их роста.

Вас интересуют эконо- мические аспекты? Пожалуй, ста! В молдавском колхозе «Заря коммунизма» один центнер карпа при двухлетнем выращивании обходится в 72 рубля, при однолетнем — в 21 рубль.

Мы попросили опытную базу института. Машина медленно ползет по мягкому торфу. И нам видится здесь, на бывших топливных разработках, гигантская «фабрика» зеркальных карпов. И снова текучь слюны...

Экскурсию вели наши репортеры
В. ВАСИЛЬЕВ
и Г. ЛИПСКЕРОВ

Каждую рыбку нужно точно измерить — это очень важно.

На прудах Якопи идет очередной опыт. (Снимок слева).

А. И. Ирихинович и старший научный сотрудник Е. Н. Хайрулина со своими подопечными.

С помощью этой инъекции многотысячное потомство карпа за одно лето вырастет до «товарных» размеров.

ТЕ С Е К И И

в разных отношениях в течение моей жизни» дал о Турчаниновой более подробные сведения: «Я познакомился с Александрой Степановной, а затем я познакомился в Пензе, тамошняя уроженка Пенных, которая и была очень многою о жизни и ничем в нем не происходило такого, что бы заслуживало особенного моего замечания, но ей мне гварю здесь несомнительно для того, что она чрезвычайным случаем поделовала на мое поощрение».

Она некогда решилась, будучи в Москве, сесть в воздушный шар с воздухоплавателем г-меей Гарнераном и подняться с ней на воздух. Зрелище было всемирно, путешествие их удачно кончилось.

Такая отвага сделала Турчанинову известной повсюду, и по несобновности случая я решился ее отписать от всех моих площадных (то есть случайных) — Н. В. знакомств и дать ей место в списке тех людей, кои проявляли во мне какос-либо горестное или приятное, но прочное впечатление, а Турчанинову я, конечно, не забуду, потому что и поныне не могу без особенного удивления представить себе такой резкий опыт неустрашимости в женщинах».

К сожалению, И. М. Долгоруков не записал в своем «Испичке», когда она родилась, где училась, какою носила девичью фамилию, где училась, как она очутилась в Москве и т. д.

Видимо, в мае 1804 года она была в Москве случайно, так как Долгоруков говорит, что она некогда решилась, будучи в Москве, сесть в воздушный шар...».

Весьма возможно, что она приезжала тогда и сестре своего бывшего мужа Наталье Алексеевне Колтовской, урожденной Турчаниновой, которая в то время жила жить в Москве и которую посетил И. И. Булгаков.

Если Колтовская носила отчество Алексеевна, то ее брат, муж Турчаниновой, должен был носить отчество Алексеевич. Из предположений меня списку воздушных предводителей дворянства Пензенской губернии видно, что с 1804 года по 1810 год Керемским уездным предводителем дворянства в Пензенском уезде был Алексей Алексеевич Турчанинов, родной брат Натальи Алексеевны Колтовской.

Сопоставляя эти данные со сведениями И. М. Долгорукова, можно прийти к выводу, что А. А. Турчанинов был не изумленным.

Эта догадка подтвердилась сведениями, пошерстнувши нами в книге Петербург «Исторический очерк Керемского уезда», Пенза, 1822 г. (приложение) где сказано, что Алексей Алексеевич Турчанинов, бывший предводитель дворянства в Керемском уезде, был женат на Александре Степановне Ермолаевой. Таким образом, нам удалось установить и место ее рождения (Пенза), и де-

вичью фамилию (Ермолаева), и ее общественное положение (жена уездного предводителя дворянства). И, следовательно, у Петербурга нет сведений ни о годе ее рождения, ни о годе ее смерти. Однако путем сопоставления некоторых дат можно попытаться установить как возраст А. С. Турчаниновой в момент полета, так и год ее рождения.

И. М. Долгоруков говорит, что он с ней познакомился, когда был в Пензе вице-губернатором, а если учесть, что дворяне обычно ранее 16 лет своих дочерей замуж тогда не выдавали, то Турчаниновой в 1791 году могло быть уже 16 лет, и следовательно, она родилась примерно в 1775 году. Соответственно в момент полета ей могло быть 28—30 лет, не более.

Ничего другого о ней нам, и к сожалению, найти не удалось. Несомненно, в архивах Пензы могут найтись какие-либо сведения о такой знаменитой уроженке этого края.

О А. С. Турчаниновой не удалось было поговорить, а между тем ее имя, несомненно, должно стоять первым в славном списке русских женщин-авиаторов.

Будем надеяться, что и наши советские историки воздухоплавания в своих исследованиях отдадут должное А. С. Турчаниновой, необыкновенной русской женщине, приобретшей предассудками своей среды и решившей совершить воздушный полет с явной опасностью для жизни, полет, приведший к изумлению ее современников.

К сожалению, А. С. Турчанинова как для русских, так и для советских исследователей воздухоплавания до сих пор остается женщиной с исказенной фамилией.

В 1911 году в Петербурге вышла книга под названием «История воздухоплавания и летания в России», где автор А. Родных сообщает о полете Турчаниновой: «Случайный 1804 год тем интересен в истории воздухоплавания, что в Москве, как и в Петербурге, появились первые воздухоплаватели на воздушном шаре господина ТУШЕИНОВОУ, ВА и таким образом она является первой русской женщиной, участвовавшей в воздушном полете не на приязненных шарах» (стр. 52).

Вот почему, зная ничего не зная о русских истоках, свидетельствующих об участии в этом полете А. С. Турчаниновой, иначе он так грубо не исключил бы фамилию. Из каких именно «иностранских источников» взял А. Родных фамилию Турчанинова, не известно. Возможно, что трудная для иностранцев фамилия Турчаниновой превратилась в их сообщениях в Тушенинову, и автор так и передал ее на русский язык.

Наши советские историки воздухоплавания эту ошибку в транскрипции фамилии Турчаниновой повторили вслед за А. Родных. В «Истории возду-

хоплавания и авиации в СССР», изданной в 1946 году под редакцией В. А. Попова, на странице 26 сказано следующее: «1804 г. ознаменовалась в России новыми полетами ГЕРНЕРЕНА и его жены. В один из полетов они взяли с собой и известия пассажири русскому женщине ТУШЕИНОВОУ». Тут уж сразу две ошибки: «они взяли» — вместо «она (т. е. Гарнерана) и «Тушенинова» — вместо Турчанинова. В другом советском издании, в книге Л. Шестерниковой «Даты истории отечественной авиации и воздухоплавания», изданной ДОСААФ в 1953 году, фамилия Турчанинова также искажена. Эта ошибка повторена недавно и журналом «Знание — сила» [№ 7, 1953 г.]

А. С. Турчанинова, отважная русская женщина, совершившая беспримерный для своего времени подвиг, имеет бесспорное право на память потомства, и имя ее как предшественницы первой в мире женщины-космонавта Валентины Терешковой и других советских женщин-авиаторов не должно быть забыто.

Спящий пассажир

Проехав половину всего пути, пассажир лег спать и стал до тех пор, пока не остался ехать половину того пути, как проспал спящим. Какую часть всего пути он проехал спящим?

Третий раствор

Имеется два раствора переносной водороды: тридцатипроцентный и тридцатипроцентный. В какой пропорции их надо смешать, чтобы составить двадцатипроцентный раствор?

Как расставить солдат

В одном из зарубежных журналов приводится такая задача. Из квадратный двор арсенала вошел лейтенант с неманой солдат, чтобы расставить их по стенам по четыре солдата и шаша. Слуга немоторе время пришел напуган. Он решил, что поставит солдат по четыре местий вдоль каждой стены по пять солдат. Но вот во двор арсенала погнался валдор и поставил вдоль каждой стены по шесть солдат.

Как были расставлены солдаты в первом случае? Как расставлены солдаты во втором случае, если офицер располагал одним и тем же числом солдат?

Как поступить!

Перед вами квадратный островок, окруженный глубоким рвом. Как при помощи двух досок, длина которых нам равна диаметру острова рва, попасть на островок?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 17

«НОМЕР АВТОМАШИН».

Номер автомашины — 7744.

«КАК РАЗДЕЛИТЬ ХЛЕБ».

Хлеб надо разделить так: 1/10; 2/5; 2/5; 3/5 жары.

«СРЕДНЯЯ СКОРОСТЬ».

Средняя скорость автомобиля — 48 километров в час.

«САД И ЯБЛОНИ».

Ответ показан на рисунке.

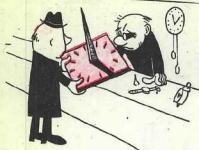
«ДВАДЦАТЬ РАВНЫХ».

Вот остроумное решение задачи:

РЕМОНТ ЧАСОВ

НА ПРАКТИКЕ

— И так, чтобы отличить корою от быка...

— Мне кажется, они немного отстают...

Рисунок В. ВАКСМАНА и В. СЕРЕБРЯНСКОГО

Рисунок Д. БЕЛОВА

Л У Б
ЮБИТЕЛЕЙ
Ш У Т К И

З О Л А

Как много угля, дров, огня...
И все, чтоб получить меня!

Полуденная охота.

Рисунок В. ВАКСМАНА и В. СЕРЕБРЯНСКОГО

В. ШАПИРО

ЯЙЦО-МОДЕРН

Яйцо на курицу вертело:
«Эй, как от миски ты отсталя!
Бьют вашу братню поря
Давно спровадить со двора,
Списать на халяв без сожаленья...
Нет, мы другое поколение.
Вот у меня свое личько,
Я современное яйцо!
Другие мысли, идеалы...
Во асов твоё я обогнал».

...Яйцо шумит, а дни летят,
Настало время для чиплат.
Из каждого яйца — шумит,
И лишь из этого — ни звука,
Смелась курь с петухом:
Яйцо-то было болтуном!

ПАТЕФОН

— Нет, я совсем изурюно
век промил:
Наким пластинкам
головы кружил!

КОЛОЧКА

— Не съест придирок
и обид:
Всяк прицепится
норовит.

БАБУШКА: Вовремя дружинник подоспел... Кто знает, чем закончился бы эта драка!

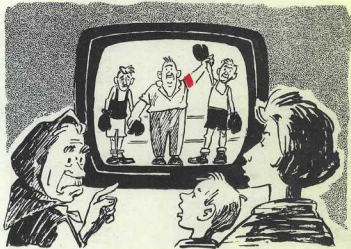

Рисунок Д. БЕЛОВА

К Р О С С В О Р Д

Составил И. УГЛОВ (пос. Богдановна, Грузинской ССР)

По горизонтали:

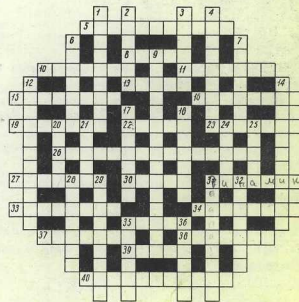
- Валет С. Василеио.
- Стрелов треугольничек.
- Урванский Народный танец.
- Архитектор, автор ансамбля в городке Пушкина и Павлова под Ленинградом.
- Горная коза.
- Автор книги «По Уссурийскому краю».
- Питомый папирус.
- Чешский композитор.
- Троицкое перово.
- Автор пьесы «В. И. Ленин у Троицкого прохода».
- Вид художественной литературы, предназначенной для воспроизведения в кинематографе.
- Презодевация дноморощанца Рыба.
- Приток Завалого Буга.
- Промысловый.
- Единица измерения частоты колебаний.
- Состав, состоящий из нескольких несоединяющихся изюбокостей.
- Главный персонаж оперы Д. Пуччини.
- Остров, на котором проходила последняя шахматный турнир претендентов на звание чемпиона мира.
- Небольшая певчая птица.
- Самое

большое озеро в Италии.

Фильм кинорежиссера И. Пыррева.

По вертикали:

- Автор романа «Витя в пути».
- Гребная шлюпка.
- Единица строения живого организма.
- Специалист по изучению насекомых.
- Мыс на побережье Черного моря.
- Небольшой илтичек с красной.
- Матрица для свечей газа.
- Охотничье-профессионал.
- Ученые о расположении атомов в молекулах химических соединений.
- Лужковой инструмент.
- Иоанн А. Пушкина.
- Станица государства в Азии.
- Страус, обитающий в Южной Америке.
- Спортивная игра.
- Приписка застезия.
- Город, районный центр Московской области.
- Центральное гидро земли.
- Ступень музыкальной гаммы.
- Курорт в предгорьях Большого Кавказа.
- Июна о законах и формах мышления.
- Световой биохимик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 17

- По горизонтали:
- Магаришо.
 - Кайшера.
 - Елок.
 - Елок.
 - Татария.
 - «Ранка».
 - Шведы.
 - Зирам.
 - «Дуэль».
 - Кратер.
 - Изабелла.
 - Шутрия.
 - Лунин.
 - Велли.
 - «Сонора».
 - Цейтль.
 - Фтор.
 - Плотина.
 - Крым.
 - Горцадин.
 - Геркулес.

- По вертикали:
- Поплавком.
 - Тани.
 - Пукта.
 - Сайин.
 - «Спор».
 - Оденюлен.
 - Оптика.
 - «Корсар».
 - «Джамбия».
 - Усейин.
 - «Гений».
 - Валуя.
 - Шварцбот.
 - Кубишча.
 - Полоцьк.
 - Резинг.
 - Силва.
 - Капри.
 - Ринг.
 - Круг.

0,0002%+

... 0,0007%+

... 0,0003%+

...0,0008%

...0,001%+

= 0,003% ЧИТАТЕЛЕЙ «СМЕНЫ» ИСПОЛЬЗУЮТ ЖУРНАЛ ТАКИМ ВОТ ОБРАЗОМ...

ЗАТО ДЛЯ ОСТАЛЬНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ «СМЕНА» — ЭТО:

стихи и рассказы, повести и романы советских и зарубежных авторов; очерки, фоторепортажи о комсомольской жизни, труде, учебе, отдыхе, спорте, любви и дружбе твоих сверстников — энтузиастов и романтиков, молодых строителей коммунизма;

дискуссии, споры, путешествия по родной стране и за границу;

сообщения о последних достижениях науки и техники, об интересных выставках, кинофильмах, спектаклях, произведениях музыки и живописи.

С 1 октября начинается подписка на «Смену» на 1964 год. «СМЕНА» выходит два раза в месяц.

Подписная цена: на год — 4 руб. 80 коп., на полгода — 2 руб. 40 коп.

Подписку на литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ «Смена» можно оформить в отделах «Союзпечати», конторах и отделениях связи, у общественных распространителей на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях.